

В этом году журнал уже обращался к судьбе и деятельности Иоанна Грозного. И дело не только в 580-летнем юбилее, приходящемся на август, но и в том, что крутые методы управления сегодня востребованы обществом. Страну растаскивают коррупционеры, изношенная инфраструктура разваливается. В этих условиях велик соблазн резких «императивных» решений. О том, насколько действительны такие решения, способны ли они остановить распад и обеспечить возрождение России, мы поговорим в ближайших номерах. А пока редакция предлагает читателям статью известного политолога Андрея Фурсова – размашистую, страстную, далеко не во всем бесспорную, но, без сомнения, содержательную и интересную.

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ОПРИЧНИНА — ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ?

Опричнина – ключевое событие русской истории последних пяти веков. Именно она заложила фундамент той уникальной формы власти – автосубъектной*, – которая мутировала, слабела, возрождалась, менялась и почти при каждой серьезной смене не только оставалась самой собой, но и приобретала всё более чистую, свободную от собственности и “классовых привесков” (В. В. Крылов) форму – *la plus ça change la plus ça rèste meme chose*. Более того, опричнина стала не только фундаментом, но одновременно и эмбрионом этой власти, которой суждено было развиваться по схеме преемственность через разрыв.

Наконец, опричнина подарила русской истории один из ее главных принципов – опричный, отрицающий княжебоярский принцип, оттолкнувшись от него, породил принцип самодержавный и таким образом оформил и, если угодно, замкнул триаду, придав, как это ни парадоксально, обоим принципам самостоятельный характер и заставив их жить собственной жизнью. И в этой собственной жизни каждого принципа именно опричный связывает самодержавно-национальный (“народный”) и олигархический (княжебоярский) принципы и в известном смысле снимает (в гегелевском, диалектическом, смысле) противоречия между ними.

* Подр. см.: Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (*très-très grand espace dans une très-très longue durée*) // Русский исторический журнал. – М., 2001. – Т. IV, № 1–4. – С. 15–114.

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета; руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма; автор 250 научных публикаций, включая 9 монографий.

Опричнина, как и ее создатель Иван Грозный, — оболганное явление нашей истории, порой сознательно, порой от непонимания. Оболганное как большими мастерами науки и литературы, так и мелкой шантрапой от тех же науки и литературы, а теперь еще и кино (достаточно вспомнить фильм “Царь”).

В работе я хочу остановиться на нескольких вопросах:

опричнина как историческое явление, его корни — они столь же необычны, как сама опричнина;

фактическая сторона дела — очень кратко, основные вехи;

суть опричнины, ее причины, последствия — кратко-, средне- и долгосрочные;

опричный принцип русской истории в противовес олигархическому и самодержавному, с одной стороны, и институциональному, с другой;

реализация опричного принципа в русской истории;

“грозенские” (Иван IV, Сталин) и “питерская” (Петр I) версии опричнины;

нужна ли и возможна ли в России сегодня (или завтра) новая опричнина (неоопричнина) или, точнее, нужно ли и возможно ли возвращение опричного принципа в той или иной форме, и если да, то какова может быть цена.

Истоки опричнины — издали долго

Причины, породившие опричнину, уходят в XIV–XV вв., в ордынскую эпоху — “Крот Истории роет медленно” (К. Маркс). Превращение русских князей в улусников Золотой Орды принципиально изменило конфликты в среде русской знати, их вектор. Если в домонгольскую эпоху они по своей логике мало чем отличались от западноевропейских, то под владычеством Орды они стали иными. Поскольку княжества боролись за место под “ордынским солнцем” (или под “ордынским зонтиком”) и от этого зависела судьба не только князя, но и бояр, последние, чтобы взять верх над соперниками, то есть другими княжествами, должны были поддерживать своего князя, а не бороться с ним, не раскачивать лодку. В результате победили те княжества, в которых отношения князя и боярства приобрели характер симбиоза.

Больше и быстрее всех в создании такой вполне олигархической конструкции преуспела Москва, и это стало залогом ее побед. Именно настырные московские бояре в 1359–1363 гг., когда ярлык на правление был отдан Ордой суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, постоянно ездили в Сарай и не мытьем, так катаньем (и взятками, конечно) выторговали-выклянчили у хана и его “турз-мурз” ярлык для своего князя.

Именно московские бояре во главе с И. Всеволожским в 1432 г. окончательно добились у Улу Мухаммеда ярлыка Василию II, а затем во время “великой замятни” уходили вместе со своим князем в Коломну (1433 г.), Вологду (1446 г.), Тверь (1446 г.), а не оставались в Москве с победителями — Юрием Дмитриевичем и Дмитрием Юрьевичем (Шемякой). Московским боярам нужна была победа, но только “одна на всех”, и они, бояре, готовы были не стоять за ценой, поскольку знали: их сила — в князе, а сила князя — в них, поскольку нет у него иной опоры, кроме них.

Разумеется, все это не исключало конфликтов между князем и боярами. Так, в 1379 г. в Москве был казнен боярин, сын последнего московского тысяцкого И. В. Вельяминов — то была первая публичная казнь в Москве и, что символично, первым казненным был боярин. Были и другие случаи. И тем не менее до конца XV в., до тех пор, пока была Орда, княжебоярский симбиоз работал.

Все изменилось на рубеже XV–XVI вв., когда совпали “уход” Орды, присоединение Москвы огромного массива новгородских земель и женитьба Ивана III на Софье Палеолог. Наличие Орды цементировало княжебоярский союз перед лицом хана. Теперь, с исчезновением Орды, сам великий князь становился “ханом” (православным), намечая, пока пунктиром, отделение от боярства. При этом внешнее, формальное отделение обгоняло внутреннее, содержательное. Дело в том, что новая (вторая) супруга Ивана III Софья Палеолог сделала всё, чтобы устроить при московском великокняжеском дворе новые порядки. При Иване III это не очень-то удалось: хотя Софья и попыталась завести при дворе новый пышный и строгий церемониал по византийскому образцу, отношения князя и бояр в целом оставались “по старине”, патриархаль-

но-домашними. Однако с вокняжением в 1505 г. Василия III всё изменилось – новый князь, потомок не только Рюриковичей, но и Палеологов, повел себя с боярами как самодержец: практически перестал советовать с ними, открыто наказывал несогласных, и урезание языка было одним из наиболее мягких наказаний. Так византийская форма обрамила автосубъектное, наведенное Ордой, содержание, и на эту-то форму и “ловятся” историки, не замечая содержание и разглагольствуя о “византийском влиянии”.

Однако наиболее важным фактором подрыва княжебоярского симбиоза, заложенной под него миной замедленного действия был массив новгородских земель, прихваченный Москвой в 1470-е годы. Этот массив позволил московскому князю начать в невиданном доселе масштабе раздавать земли в качестве поместий, то есть реально развивать поместную систему. И хотя первый русский помещик (Бориско Ворков) упоминается еще в 1328 г., реальное развитие поместной системы стартовало в конце XV в. Получали поместные земли в массе своей “дети боярские” (то есть дворяне). Впрочем, поместьями наделялись и представители боярских родов, однако, прежде всего, поместья были средством существования массы мелкого и среднего служилого люда. В результате появился огромный слой, который численно превосходил князей и бояр, слой, чье обладание вещественной субстанцией полностью зависело от великого князя (после 1547 г. – царя). Последний был единственным, кто мог оградить их от произвола богатых и знатных. Ну а великий князь получил, наконец, иную, чем боярство, социальную опору, что объективно улучшало его властную позицию в рамках княжебоярского союза.

Основные противоречия внутри господствующих групп – между князем и боярством, между боярством и дворянством – наметились уже на рубеже XV–XVI вв. Однако в первое тридцатилетие XVI в. они не приобрели острого характера, оставались латентными – эти десятилетия были относительно спокойным временем в русской истории: экономический подъем, отсутствие крупномасштабных эпидемий, в целом удачная внешнеполитическая ситуация (за исключением поражения при Кропивне в 1514 г. и “крымского смерча” “в исполнении” Мухаммед-Гирея в 1521 г.). В целом Московия неспешно “переваривала” то, что проглотила при Иване III.

Ситуация изменилась к 1550-м годам: процесс “переваривания” закончился, наследие ордынско-удельной эпохи (прежде всего земельный фонд) было “проедено”; бояре, привыкшие к вольнице 1530–1540-х годов, причем к вольнице в отношениях как с малолетним, а затем юным великим князем, так и с “детьми боярскими”, потихоньку “борзели”. Противоречия в обществе по поводу доступа к общественному пирогу различных слоев господствующего класса, их доли в нем (а в России это доступ только через власть) стали обостряться. При этом противоречия внутри господствующего класса (как между верхами, с одной стороны, и средними и нижними слоями, с другой, так и между наиболее знатными кланами, с третьей, усиливались на фоне обострения противоречий между господствующим классом в целом и населением. Такая ситуация сама по себе требовала консолидации господствующих групп, их замирения. Не случайно собор 1549 г. – фактически первый земский собор – был назван Собором примирения, главной задачей которого прекратить боярские злоупотребления властью по отношению к детям боярским.

Задачи консолидации господствующих групп (одна из серьезнейших задач практически для всех структур русской власти*) в рамках централизации власти решали (или пытались решить) реформы “Избранной рады”. Однако если первый этап реформ (первая половина 1550-х годов) способствовала некоторой стабилизации социальной ситуации, то на втором этапе стало очевидно, что какие-то группы должны были вынести на себе основное бремя реформ, и по всему выходило, что это прежде всего крестьянство и в значительной степени низы и средние слои господствующего класса. И это при том, что по “приговору о службе” 1556 г. весь господствующий класс, то есть не только помещики, но и вотчинники, становился военно-служилым, проще говоря, ставился под жесткий контроль центральной власти. Всё это вело к новому обострению противоречий, которое в условиях сложной внешнеполитической ситуации становилось прямой и явной угрозой центральной власти. Разре-

* Подр. об этом см.: Фурсов А. И. Последняя смута // Политический журнал. М., 2004, № 1. – С. 4–7.

шить эти противоречия или хотя бы максимально смягчить, равно как и двигаться дальше по пути укрепления своей власти без конфликта с боярством было невозможно. Конфликт назревал, первые ходы в нем сделал царь.

В 1562 г. новая духовная грамота несколько отодвинула Боярскую думу (направление удара – власть); затем было издано новое уложение, запрещающее княжатам продавать и менять старинные родовые земли (направление удара – собственность). К тому же Иван IV объявил решение о пересмотре сделок по княжеским вотчинам аж с 1533 г. То была “черная метка”, причем весьма адресная: был четко очерчен первый круг князей, на которых распространялся пересмотр.

В этом “круге первом” оказались представители главнейших родов/кланов суздальской знати – князья Шуйские, Ярославские, Стародубские и Ростовские. По сути, царь “вырыл топор” социальной войны с многочисленной и могущественной знатью: 265 представителей четырех кланов служили в составе Государева двора, 119 проходили службу по особым привилегированным спискам и 17 сидели в Боярской думе в качестве бояр и окольничих. Теперь ситуация могла разрешиться только по-ленински: “кто кого”. А вот у царя в предстоящей схватке не было никаких институциональных средств борьбы. Напротив, все существующие институты защищали московский старый порядок – княжебоярский, работали против царя, жестко привязывали его к боярству в рамках симбиоза ордынских времен. Вот эту связь, цепь и предстояло разорвать, превратив царя в единодержца.

Но как это сделать? Особенно если учесть, что даже первые шаги царя вызвали ответную реакцию – в Литву бежит и начинает там антигрозненскую пропаганду его бывший друг Андрей Курбский; духовенство и Боярская дума требуют прекратить гонения на знать (жертвами репрессий пали Репнин и Кашин – князья из рода Оболенских и Овчиных). Ситуация предельно обострилась к концу 1564 г.

Теоретически у царя было два очевидных варианта большой властной игры. Один – опереться в противостоянии с боярством на дворянство в целом как класс. Но, во-первых, дворянство само по себе в грозненское время не было классом, оно станет таковым только во второй половине XVIII в., особенно “трусами” Петра III и Екатерины II, и потому-то немецкая самозванка на русском троне сможет опереться на него в противостоянии и вельможам, и гвардии. Дворянство как класс еще предстояло создать, а на это не было времени – целой жизни не хватило бы. Во-вторых, “создание дворянства” требовало бы наделения его некими правами, а в условиях неоформленности, бытия-в-себе, в неразвитом состоянии центральной власти это было крайне рискованно. В-третьих, это был путь медленный и эволюционный, на который не только не было времени, но который мог быть насильственно прерван.

Другой вариант – выкидывать белый флаг, растворяться в княжебоярстве, в олигархической централизации, что означало опасность для государства, лично царя и даже династии (достаточно вспомнить события марта 1553 г.). Но был третий вариант, неочевидный, на первый взгляд, просто немислимый, и он-то и был реализован.

Третий вариант – предпринять нечто нестандартное и чрезвычайное, выражаясь шахматным языком, Иван (а он играл в шахматы и по одной из версий умер во время шахматной партии) должен был найти неожиданное продолжение, ошеломив им противника. Царь нашел решение, которое заложило основу особой власти в форме самодержавия и определило ход русской истории на несколько веков. То была “опричнина”. Необычная форма – княжебоярский симбиоз – вызвала к жизни и необычное, чрезвычайное средство ее устранения, выковала своего могильщика.

Опричнина – как много в этом слове...

3 декабря 1564 г., помолвившись в Успенском соборе и картинно (царь был большой лицедей) простившись с митрополитом Афанасием, членами Боярской думы, служилыми людьми, царь с семьей и близкими людьми “погрузился” в санный поезд и под охраной нескольких сот вооруженных людей отправился на богомолье, увозя, к удивлению провожающих, государственную казну и наиболее почитаемые иконы. Миновав Коломенское и Троицкий

монастырь, он обосновался в Александровой слободе, которая, по сути, была естественной крепостью.

Из Александровой слободы царь отправил письмо митрополиту, в котором предъявлял обвинения в адрес боярства и духовенства, говорил о том, что налагает на обидчиков опалу и отказывается от трона, поскольку не может править (казнить и миловать) по своему уразумению. Отречение от царства и одновременно опала – в этом есть определенное противоречие: налагать опалу на высшие чины может только царь, а он-то как раз и отказывается от этой “функции”.

В то же время царские гонцы распространили в столице письма (по сути – прокламации), в которых от имени царя говорилось, что опалы налагаются только на бояр, и что на посадский люд гнева нет. Таким образом, царь натравливал посадский люд на бояр, используя, выражаясь марксистским языком, классовые противоречия и находясь, используя уже другой язык, в режиме активного выжидания. Выжидание это далось царю нелегко: он знал, что играет ва-банк и что может проиграть – всего за один месяц, за декабрь 34-летний царь постарел на несколько лет, ссутулился, облысел. Но паузу выдержал, не сморгнул. Сморгнула противоположная сторона, хорошо помнившая июньский бунт 1547 г., когда толпа рвала боярина Глинского, и справедливо опасавшаяся народного бунта.

5 января 1565 г. депутация, состоявшая из “высокопоставленных лиц”, била Ивану челом сменить гнев на милость, возвратиться на царство и править страной, как ему хочется. Условием возвращения Иван выдвинул признание государевой воли единственным источником власти и закона. Царь становился над верхушкой господствующего класса и ее институтами, и бояре согласились. По сути это была революция внутри господствующего класса, ломавшая двухсотлетние княжебоярские устои. Однако царь не был наивным человеком, он прекрасно понимал то, что в начале XX в. сформулирует Ленин: грош цена революции, не способной себя защитить. Ну а лучшая защита – нападение. Средство Иван Грозный изобрел сам – опричнину.

Объявив о возвращении, царь в то же время поставил депутацию в известность, что частью страны будет управлять сам, с помощью своих людей; в этой части не будет Боярской думы, приказов и т. п. Царь решил “учинить ему на своем государстве себе опришнину”, т. е. выделить особый удел, в котором заводились новые порядки, новая администрация, новая господствующая группа, а точнее, господствующая группа нового типа – опричники.

В начале XX в. Ленин сказал: дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию – и перевернул, создав новую властную, а затем и социальную систему. Перевернул, правда, с помощью исторических обстоятельств, этой организацией не только не созданных, но и непредвиденных (помощь и немецкого Генштаба, и банкиров Уолл-стрита). Перефразируя Ленина, Иван IV мог бы сказать: дайте мне организацию особого типа, и я переверну Русь – и перевернул, создав новую властную, а затем социальную систему (самодержавие). Но сделал это без иностранной помощи.

Иван Грозный разделил страну на две части: опричнину и земщину. В земщине продолжали править Боярская дума и приказы – но это на бумаге, по сути и ее контролировали опричники, лишь формально ограниченные опричной зоной. В последней же опричники хозяйничали и по сути и по форме. Опричный корпус в разное время достигал численности от 1 тыс. до 5 тыс. человек; отбирал в него сам царь. В корпусе служили представители всех слоев господствующего класса – князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало “ранговые” различия. Это усиливалось тем фактом, что, вступая в опричнину, человек должен был отречься от родных и друзей, обязывался служить царю и искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны (отсюда знак опричника – собачья голова и метла).

По сути, опричнина была первой в русской истории чрезвычайной комиссией (ЧК), организацией, поставившей чрезвычайный принцип над институциональным. Они потом не раз еще явятся в русской истории. Гвардия Петра I, ЧК большевиков: “быль царей и явь большевиков” – так об этом напишет Максимилиан Волошин в стихотворении “Северовосток”. Но первой стала опричнина, а изобретателем и генеральным/гениальным конструктором был Иван

Грозный, крупнейший из авторов русских властных инновационных проектов.

По форме организации опричнина отчасти копировала церковную, точнее – монастырскую. Опричную “братию” возглавлял игумен (сам царь), были в ней пономарь, келарь, рядовые монахи. Была общая трапеза. Верхние одежды были грубыми – нищенскими или монашескими, в руках опричника – посох. Но трапеза была не аскетической, а обильной, изысканной; под грубой верхней одеждой скрывалась одежда из тонкого сукна на собольем или как минимум куньем меху и шитая золотом; на поясе под одеждой висел длинный нож. Перед нами эдакий светский орден меченосцев, имитирующий церковный; полтора века спустя в виде “всепьянейшего и всешутейшего собора” Петр I доведет эту имитационную, “опускающую” церковь как институт логику до конца.

ЧК под названием “опричнина”, по мысли царя, должна была сломить сопротивление знати. Но сопротивление чему? Какое сопротивление стремился упредить царь? Сопротивление тому, что составляет главное по сути в опричнине – так называемый “земельный террор”. Именно он был “основной операцией”, которую должен был обеспечить и прикрыть физический террор, творимый опричниками. Последний был важен, особенно в самом начале, чтобы запугать, как говаривал робертпеннуорреновский Вилли Старк, “чтобы их внуки в этот день описались, сами не зная почему”. Но физический террор, масштабы которого сильно преувеличены, не был ни единственным, ни тем более главным в опричнине. Главным было “перебрать людишек” и их земли; иными словами, осуществить обещанный пересмотр княжеских сделок по земле, совершенных после 1533 г., то есть после того, как со смертью Василия III ослабла государева узда на шее боярства. Конкретно речь шла о том, чтобы снять князя или боярина с насиженных мест, даже если это его вотчина, и переселить в другое место, выделив ему там землю – практика вполне ордынская. Но дело было не столько в собственности, в подрыве экономических позиций, хотя и в этом тоже, а во власти: “земельный террор” рвал связь князей с их детьми боярскими, у них “переменялся двор”, и их позиции слабели. Недаром одной из любимых фраз Ивана Грозного была “перебрать людишек”. О том, к каким результатам привел “перебор” – чуть позже, а сейчас – кратко – об основных событиях опричнины.

Уже в 1565 г. состоялись первые казни. В 1566 г. возник конфликт трехсот земцев – участников Собора 1566 г. с царем (челобитная об отмене опричнины). В 1567 г. – новые репрессии. В 1568 г. вспыхнул конфликт царя с митрополитом Филиппом. В следующем году был уничтожен последний удельный князь Владимир Старицкий с семьей. В 1570 г. разгромлен Новгород и проведено дело “о новгородской измене” в Москве. За этим последовал второй тур “московского дела” – арест, казни и уничтожение полутора десятков опричников, включая Вяземского, Черкасского, Басмановых.

За время опричнины было пролито немало крови – особенно по сравнению с правлением Василия III. Однако по сравнению с тем, что творили современники Грозного царя в Западной Европе – Карл IX во Франции во время религиозных войн (Варфоломеевская ночь и другие погромы), Генрих VIII и Елизавета I в Англии, герцог Альба по приказам испанского Филиппа II в Нидерландах – действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно. О злодействах западных королей и королев критики Ивана IV, как западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь всё познается в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очертить Россию, русских и их царя и обелить себя – одним из качеств западной цивилизации является фантастическая самоапология, изощренное самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных русофобов, раздувающих до вселенских масштабов то, что не идет ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов. Становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса “длинного XVI века” (1453–1648 гг.) протекало с кровью, и русские “потoki” были, пожалуй, одними из самых малых. Тем более, что длилась опричнина всего семь лет, а затем, в 1572 г., была отменена.

Стоп. Откуда мы знаем, что она была отменена? И если была, то в каком смысле? Именно “отмена опричнины”, прояснение этого вопроса позволяет лучше понять ее причины, суть и результаты, пролить на них свет.

1572 год – куда подевался “гиперболоид инженера Грозного”?

Впервые предположение об отмене опричнины высказал – без каких-либо доказательств – большой выдумщик по части русской истории Карамзин в 1825 г. Тезис был принят. В 1925 г. были опубликованы мемуары Штадена – немца, жившего в России во времена опричнины. Штаден, представивший себя в мемуарах опричником, заявлял, что опричнина была отменена в 1572 г.

Я согласен с Д. Альшицем, что Штадену верить нельзя. Опричником он не был, жил в земщине и сбывал награбленное опричниками. Барыга, враль, не имевший доступа к серьезной информации. Действительно, за упоминание слова “опричнина” с 1572 г. били кнутом – и что?

Какие еще аргументы приводятся в пользу того, что царь разочаровался в опричнине и потому отменил ее? Таких аргументов два, и их убедительно опроверг Д. Альшиц.

Первый аргумент – “битва на Молодех” 1572 г., когда русские, правда, дорогой ценой, нанесли сокрушительное поражение крымцам в 45 км от Москвы.

Некоторые историки, не приводя конкретных аргументов, утверждают по поводу битвы “на Молодех”: опричники-де показали, что могут только мордовать мирное население, что они “молодца против овца, а супротив молодца – сами овца”; поэтому, якобы не надеясь на своих “кромешников”, царь перед битвой “разбавил” войско земскими полками, они-то, под командованием Воротынского, и выиграли сражение. Все это, однако, досужие домыслы. Во-первых, представление о низкой боеспособности опричного войска ни на чем не основано. Во-вторых, в битве опричные полки под командованием Хворостина показали себя, как минимум, не хуже земцев. В-третьих, что касается объединенного земско-опричного войска, то оно было создано не потому, что царь сомневался в боеспособности опричников, а по совсем другой причине – именно потому, что полагался, прежде всего, на опричников. Дело в том, что в 1568 г. был раскрыт заговор под руководством боярина Федорова. Заговорщики планировали силами земских полков перебить опричные, захватить Ивана Грозного и выдать его полякам. Вот после раскрытия заговора и было решено создать общее опрично-земское войско, в котором опричный сегмент выполнял функцию коллективного “политкомиссара”.

Второй аргумент: в 1571 г. царь начал казни опричников, это якобы означает, что он разочаровался в опричнине и на следующий год отменил ее. Начать с того, что опричников казнили не за то, что они опричники, а в каждом случае была своя конкретная причина. Это первое. Второе заключается в том, что казни решали проблемы отношений внутри опричного корпуса, были, если пользоваться терминологией Мао Цзэдуна, “исправлением стиля”: репрессии проводили не земцы, а сами же опричники – Малюта Скуратов и Василий Грязной, то есть одна часть ЧК с одобрения царя устранила другую часть. И, наконец, самое главное: после так называемой “отмены опричнины” опричники заполнили Государев двор, опричное правительство стало называться “дворовым”, функционировало оно до самой смерти царя, а точнее, не просто функционировало, а проводило прежнюю политику; правда, физического террора поубавилось (в нем уже не было нужды – воля противников была сломлена, к тому же Борис Годунов усовершенствовал унаследованный от своего тестя Малюты Скуратова “политический сыск”, и во многих случаях достаточно было профилактических акций в режиме активного противодействия), а вот механизм земельных перераспределений опричного типа продолжал действовать. Государев двор, “накачанный” опричниной, стал главным органом власти, изменив свое положение по отношению к Боярской думе. Без опричнины такого изменения в положении и роли “президентской администрации” XVI в. и помыслить себе нельзя.

Так что же изменилось? Лишь “знаки и возглавья” (М. Волошин), то есть изменилось – исчезло – слово. Но не дело по своей сути. Дело изменилось по форме: опричнина из ЧК превратилась в регулярную организацию, в – худо-бедно – институт. Рискнет ли кто-нибудь сказать, что когда в начале 1920-х годов ЧК переименовали в ГПУ, ее отменили? Конечно же нет, она стала постоянно действующим институтом.

К 1572 г. опричнина выполнила свою чрезвычайную функцию “страха и ужаса”, подмяла существовавшие до нее органы власти, во многом обесценила их, “укатала-уездила” опричную территорию, подготовив ее к новой жизни.

В этом смысле – “следствие окончено: забудьте” – опричнина была отменена, но не она растворилась в окружающем мире, а в значительной степени растворила его в себе. Как показали события правления Федора Иоанновича и Смуты, растворили недостаточно, чтобы превратить шествие новой власти в триумфальное. Но как показало все правление Михаила Романова и уже первые (до 1649) годы правления Алексея Романова, растворили достаточно, чтобы сделать процесс изменений властно-необратимым. В 1649 г. Соборным уложением правнук любимой жены Грозного царя Анастасии Захарьиной-Юрьевой полностью восстановил самодержавие, спроектированное прабабкиным мужем.

Опричнина исчерпала себя не в том смысле, что разочаровала царя, а в том, что за семилетку решила поставленные чрезвычайные задачи и была институционализована в виде старого по форме, но совершенно нового Государева двора – “чрезвычайки” по определению не вечны. Можно сказать, что и царь, и боярство (правда, последнее не по своей воле) нырнули в котел с кипящей водой, только царь, в отличие от героя ершовского “Конька-горбунка”, в котле не сварился, а вынырнул “добрым молодцем” (не в прямом смысле слова, в прямом он вынырнул облезшим стариком, разве что не Хоттабычем; впрочем, некоторые властно-магические качества благодаря новой технологии власти приобрел), а вот коллективный боярин – “бух в котел и там сварился”. Я не злорадствую – иллюстрирую. Тем более, что у бояр была своя правда, но то не была системная правда русской истории – столкновение прав всегда трагично.

Опричнина: цели и результаты

Итак, отмены бывают разные, и отмена отмене – рознь. Здесь возникает вопрос о социальной природе, целях и результатах опричнины. Поэтому среди историков нет единодушия. С. М. Соловьев, автор знаменитой “Истории государства российского”, видел в опричнине форму борьбы государственного строя с боярским, который выходит если не антигосударственным, то негосударственным. В. О. Ключевский вообще не считал опричнину чем-то закономерным и целенаправленным, а видел в ней проявление страха царя, его паранойи. С. Ф. Платонов ничтоже сумняшея квалифицировал опричнину как средство пресечения княжебоярского сепаратизма. Н. А. Рожков результаты опричнины усматривал в землевладельческом и политическом перевороте. М. Н. Покровский – вполне в духе своего подхода – трактовал опричнину как средство перехода от феодализма к торговому капитализму и от вотчины – к прогрессивному мелкопоместному хозяйству. Советские историки в своей массе рассматривали опричнину сквозь классовую (а часто – вульгарно-классовую, капиталоцентричную) призму, трактуя самодержавие как классовый орган дворянства и подчеркивая его антибоярскую направленность, причем главной сферой борьбы объявлялась собственность, землевладение.

Рассмотрим некоторые точки зрения. Начнем с Платонова, с якобы стремления княжат и бояр к сепаратизму. Подобный подход, на мой взгляд, неправомерно переносит на русскую почву западноевропейские реалии – на средневековом Западе феодальная знать действительно имела сепаратистские устремления. Однако на Руси ситуация была иной, и дело даже не в той общей причине, что у нас феодализма не было. Причина вполне конкретна: Русь практически не знала примогенетуры, то есть наследования старшим сыном всей земли, как это было на Западе. В результате на Западе имела место концентрация из поколения в поколение земли в одних руках – и чем древнее род, тем, как правило, больше у него земли, отсюда – формирование крупных земельных массивов, способных к экономическому обособлению, а следовательно, к властному сепаратизму.

На Руси свою долю наследства, прежде всего землю, получали все сыновья. В результате возникала парадоксальная (с западной точки зрения) ситуация: чем древнее княжеский или боярский род, тем меньше вотчины у его представителей. К середине XV в. уделы даже удельных князей, не говоря о боярском землевладении, раздробились-измельчали до того, что во многих случаях приблизились по своим размерам к вотчинам обычных служилых людей. В следующем веке эта тенденция сохранилась.

Пример. В роду князей Оболенских в XVI в. насчитывалось около 100 мужчин; площадь княжества — 30 тыс. га. В среднем на душу выходит 300 га — я согласен с теми, кто считает, что с 300 га по-княжески не поживешь, 300 га — это владения служилого человека. А раз так, то чем древнее и знатнее княжеский и боярский род, тем больше, в отличие от западноевропейских “маркизов карабасов” и прочих “синих бород”, он зависит от поместий, от централизации, заинтересован в ней. Русские князья и бояре в массе своей выступали за централизацию. Вопрос — за какую. Централизация может быть едино(само)державной, а может — княжебоярской, олигархической. Но об этом выборе “русского витязя на распутье” — позже. Итак, схема Платонова не срабатывает.

“Страх и паранойя царя”, “политический маскарад”, докладывает Ключевский. Однако всё в опричнине — и тщательность подготовки, и выверенность действий, а главное, четкая продуманность географии опричнины — опровергает такой подход, демонстрирует его непродуманность, легковесность. Какие земли отошли в опричнину? Самые важные в военно-стратегическом и хозяйственном отношении. Прежде всего это земли, прилегающие к западной границе Руси — шла Ливонская война. В опричнину включили районы добычи соли, зона на севере (Архангельск, Холмогоры). Опричное Среднее Поволжье рассекло волжскую торговлю и ставило ее под опричный контроль. Средне-волжское купечество весьма выиграло от такого хода, именно в опричнину были заложены здесь основы богатства тех слоев, второе поколение которых придет в 1612 г. спасать Москву и восстанавливать самодержавие, причем не только по религиозно-патриотическим, но и по экономическим резонам.

Москва тоже была разделена на земскую и опричную части таким образом, чтобы из опричной части легко было попасть в опричный же Можайск и двигаться в сторону опричного приграничья — царь страховался, и было от чего. Иваном двигала не паранойя, а расчет, пусть во многом и основанный на страхе. Ключевский противоречит себе, когда сам же утверждает: Иван “бил, чтобы не быть битым”.

В советской историографии — две линии, отражающие две проблемы, с которыми столкнулись советские историки. Когда стало выясняться, что опричнина была не только по боярству, но и по другим социальным группам, которые не противостояли централизации (здесь та же логика, что и у С. Ф. Платонова), была сделана попытка разделить опричнину на два этапа: антикняжеский и антибоярский. Но как в таком случае объяснить, что жертвами опричнины стала и часть дворянства, то есть слоя, явно заинтересованного в централизации? К тому же, как мы помним, князья и бояре тоже были сторонниками централизации. То есть опричный каток прошелся по всем группам, заинтересованным в централизации. Парадокс? Увидим позже.

Второй момент. Длительное время советские историки трактовали опричнину как борьбу за передел земельной собственности; цель борьбы — изменить соотношение крупной и мелкой земельной собственности. Однако А. А. Зимин убедительно показал, что опричнина не подрывала социально-экономические (“материальные”) основы могущества знати, число княжеско-боярских владений в XVII в. осталось практически прежним, тем более, что шел процесс “конвергенции” вотчины и поместья. И если судить об опричнине с этой точки зрения, то она, конечно же, своей функции не выполнила, не лишила князей и бояр их собственности — дополнительный аргумент для тех, кто считает, что опричнина провалилась и царь, разочаровавшись в ней, упразднил ее.

Оттолкнувшись от вывода А. Зимина, другой советский историк В. Кобрин заключил: поскольку опричнина не изменила тенденций в развитии земледелия, земельной собственности (напомню, что советские историки в подходе к данному вопросу концентрировались прежде всего на отношениях земельной собственности), то и борьба дворянства в союзе с царем против боярства — миф, тем более, что от опричнины досталось не только боярству, но и дворянству.

Логично? На первый, поверхностный взгляд — да. Но только в том случае, если подходить к опричнине с узкоклассовых позиций. Однако, во-первых, “классы” в докапиталистических обществах совсем не то, что при капитализме; во-вторых, кроме собственности есть власть и именно она играет решающую роль в русской истории.

Не могу не согласиться с Д. Альшицем, который считает, что, во-первых, конфликт между царем и дворянством, с одной стороны, и боярством, с другой — не миф, но объект этого конфликта — не собственность. Во-вторых, все — и царь, и бояре, и дворяне — были сторонниками централизации, а значит, удары по всем этим группам могут иметь какую-то логику, но иную, нежели узко-, если не сказать вульгарно-классовая. Тот факт, что некие группы дружно выступают за централизацию, не исключает возможности различий между ними — вплоть до острейших, антагонистических. И касались они вопроса: за какую централизацию — едино/самодержавную или олигархическую? в чьих интересах — царя или верхних слоев господствующего класса? каким способом царь будет консолидировать господствующий класс? будет отражать, выражать или представлять интересы господствующего класса? И многое прочее, а среди этого прочего — главное: как сможет царь обеспечить доступ тех или иных групп к “общественному пирогу”, то есть к совокупному общественному продукту вообще и прибавочному продукту в частности.

В XVI в. вопрос “кто — кого” по поводу русской централизации, вопрос о том, какой тип, вариант централизации победит, более конкретно — удастся опричнина или нет, решила специфика русского хозяйства, исследованная Л. Миловым и историками его школы.

Главная черта, характеристика русского аграрного хозяйства — то, что на Руси в силу суровости ее природно-климатических и природно-производственных условий создавался (и создается) небольшой по своему объему совокупный общественный (а следовательно и прибавочный) продукт — это так и само по себе, и особенно по сравнению с Западной Европой и тем более с Восточной и Южной Азией. В таких условиях средним и тем более нижним слоям господствующего класса прибавочный продукт может достаться только в том случае, если центральная власть, помимо прочего, будет ограничивать аппетиты верхов — как эксплуататорские в отношении угнетенных групп (чтобы сохранялась какая-то часть прибавочного продукта для неверхних групп господствующего класса), так и перераспределительные по отношению к средним и низшим группам все того же господствующего класса. Только сильная центральная власть могла ограничить аппетиты “олигархов”.

Из-за незначительного объема прибавочного продукта олигархизация власти в России ведет к тому, что средней и нижней частям господствующего класса мало что достается (а эксплуатируемые низы вообще лишаются части необходимого продукта). Поэтому в самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были заинтересованы середина и низы господствующего класса, то есть его основная часть*. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы “детей боярских” в их борьбе с “отцами”. Так русское хозяйство сработало на опричнину и на самодержавный вектор развития.

Итак, борьба дворянства и боярства — не миф, но главный объект борьбы — не собственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.

Самодержавие — это особый строй власти (и собственности), при котором господствующий класс консолидируется вокруг центральной власти, причем консолидируется до такой степени, что само функционирование его в качестве господствующего класса возможно лишь через посредство автосубъектной власти, как ее функция. И достигнута эта консолидация была с помощью опричнины, которая и была эмбрионом самодержавия. Встав на ноги, самодержавие реализовало крепостничество как средство и форму гарантии получения своей доли прибавочного продукта именно серединой и “низовкой” господствующего слоя.

Крепостничество — продукт самодержавия, но закрепостителем выступил не Иван Грозный, а Борис Годунов. Однако обратной, если угодно, темной стороной обеспечения этих гарантий стала нивелирующая тотализация, функционализация господствующего класса. Это та цена, которую пришлось заплатить массовым слоям господствующего класса за доступ к минимуму прибавочного продукта. В условиях небольшого объема прибавочного продукта только

* Подр. см.: Фурсов А. И. Княжебоярский “комбайн”, или власть и олигархия в России // Политический журнал. — М., 2004, № 34. — С. 78–81; Его же: Завтра грабим короля! Власть и олигархия в СССР и в постсоветской России // Политический журнал. — М., 2004, № 38. — С. 78–81.

единодержавная власть могла обеспечить доступ к нему всех слоев господствующего класса, но средством и ценой был нивелирующий надзаконный контроль над этим классом и требование от его представителей абсолютной лояльности. Главное — лояльность; нелоялен — значит непривластен, а потому лишаешься земли, а следовательно, прежнего объема прибавочного продукта. Здесь становится понятно, почему опричнина проехала катком и по части дворянства и вообще по сторонникам централизации.

Логика новой самодержавной власти, а следовательно, и опричнины заключалась в нивелировке господствующего класса в целом перед лицом царской власти. Еще с доопричных времен, с 1556 г. (“уравнительное землемерие” Адашева) вотчинники обязаны были служить — власть нивелировала служебное различие поместья и вотчины. В социальном персонаже опричника нивелировались любые различия между представителями господствующего слоя — сами опричники могли помнить, что одни из них — князья, а другие — худородные, “взятые от гноища”. А вот с точки зрения опричнины как ЧК, с точки зрения власти это не имело никакого значения.

Организирующим принципом опричнины была лояльность этой ЧК как новой форме власти. Нельзя не согласиться с теми, кто считает: главное в опричнине не то, что страна рассекалась по горизонтали, а в том, что власть рассекалась по вертикали, причем само существование верхнего, чрезвычайного сегмента обесценивало нижний. Именно этот верхний сегмент обеспечивал царю необходимую, критическую массу власти-насилия для разрыва княже-боярского симбиоза. Если когда-то внеположенная Руси масса Орды обеспечивала великим князьям власть и в то же время сплотила их с боярством, то теперь внеположенная “остальной”, земской Руси масса опричной “чрезвычайки” эту связь рвала — с ордынским наследием рвали с помощью новых, обусловленных этим же наследием и его плодами способом: не будь княже-боярства, не понадобилась бы опричнина. Опричниной Грозный царь ответил не только Киевской эпохе в лице ее реликта Новгорода, но и Орде. В то же время это был ответ на давление Запада — экономическое, военно-политическое и, что не менее важно, духовное. Но это отдельная тема, над которой интересно работает замечательный историк И. Я. Фроянов.

Формально, внешне опричнина, то есть рождение новой власти, нового строя выглядело как возвращение к удельной старине: опричнина воздвигалась, надстраивалась над остальной, земской Русью для решения задач, которые из-за слабости общественных сил и институтов, из-за низкого уровня совокупного общественного продукта и связанных с этим медленных темпов общественного развития, из-за создания и консервации в ордынскую эпоху особой властной формы — княжебоярского симбиоза — могли быть решены только в режиме “чрезвычайки”, как в плане организации, так и в плане времени.

Опричнина до конца “дотерла” удельную систему, устранив даже ее следы; окончательно “переварила” Новгород и в значительной степени поставила под контроль церковь. Произошло это рывком — преемственность через разрыв. Еще раз повторю: терапевтически-эволюционная возможность существовала лишь в теории; в конкретной исторической практике действовать можно было только хирургически. Иначе в лучшем случае Россия превращалась бы в нечто польшеподобное, олигархическое с перспективой войны всех против всех — так оно и произошло в Смуту, однако грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учетом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как исторического явления.

Впрочем, опричнина — не только конкретное историческое явление, она еще и один из принципов русской власти, иными словами, опричнина не тождественна себе в единственном пространстве истории — во времени.

Опричный принцип власти

Следует различать опричнину в узком смысле слова, как конкретное историческое явление, и опричнину в широком смысле — как чрезвычайную организацию и как принцип власти. Опричнина в широком смысле есть чрезвычай-

чайная комиссия (организация, орган, корпус), ориентированная на решение внеинституциональным, но легальным способом (или на грани легального и внезаконного, нередко – тайным способом) важнейших задач перераспределения власти и собственности; внеинституциональность и секретность обеспечивают стремительность решения задачи; по выполнении своей миссии ЧК (опричнина) либо институционализируется, либо распускается.

В своем функционировании русские опричнины воспроизводили черты организаций орденского типа и тайных обществ, не случайно они обрушивались на уже существующие орденские и конспироструктуры – “боливару” русской истории не снести двоих, тем более, что такие структуры часто имели олигархическую ориентацию, а еще чаще направлялись из-за рубежа (показателен запрет в России в 1822 г. тайных организаций и масонских лож, а в 1922 г. – решение о несовместимости членства в коммунистической партии и масонских организациях). В то же время ни одна опричнина не превратилась в орден в связи с тем, что была чрезвычайным органом власти.

Опричнина в общеисторическом смысле есть социальное (организационное) оружие, исправляющее и направляющее в определенный момент ход истории в определенном направлении. Этот момент – точка бифуркации, когда развитие системы зависит не от силы толчка (он может быть слабым), но в направленности, и достаточно небольшого усилия, чтобы двинуть систему в некоем направлении, с которого она по инерции уже не сойдет. Поэтому достаточно относительно небольшой (несколько тысяч, а порой и сотен человек) группы, чтобы изменить вектор истории – при одном условии: группа должна действовать в миг-вечность точки бифуркации. Последняя есть пространство и время опричнины, где эти измерения сжаты почти в сингулярную точку, и достаточно слегка изменить направление удара, чтобы изменить ось истории.

Опричный принцип власти возник как преодоление олигархического и, в свою очередь, породил самодержавный, после чего все принципы зажили собственной жизнью, вступая в непростые отношения друг с другом и сформировав своеобразную триаду или, если угодно, треугольник – самую устойчивую фигуру.

Опричнина как принцип представляет собой комплекс чрезвычайных мер и реализующих их органов и лиц, параллельный контур управления, надстраивающийся над уже существующим и охватывающий его, превращая в свой внутренний объект для перемалывания и переваривания, в источник своего развития. Как уже говорилось, задача “чрезвычайки” – решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иначе решены быть не могут. По завершении своих функций “чрезвычайка” превращается в регулярный институт и КАК БЫ отменяется без реальной отмены – она институционализируется (опричнина – Государев двор, ЧК – ГПУ).

В русской истории опричнина ситуационно, на краткий миг компенсирует не только слабость институтов и организованных социальных сил, но вообще отсутствие очень важного и имеющегося у многих, если не большинства индоевропейских народов сословия (Варны, слоя) воинов (кшатриев). Служилые люди хороши многим, но в целом ряде ситуаций они не могут заменить профессиональных военных как слой. Служилые – служат, но бывают ситуации, когда надо сражаться, что предполагает не только профессиональную выучку, но дисциплину, определенный тип мышления, поведения и субъектности. Я уже не говорю о влиянии военно-аристократической группы на гражданскую жизнь, и культуру в частности. Показательно, что русские одерживали победы в войнах отечественных, народных, когда военно-служилым становился весь народ (поэтому проваливались все попытки оккупировать Россию), но проигрывали такие войны (или одерживали исключительно тяжелые победы с большими потерями), в которых народ не был задействован и которые должно выигрывать силами военного сословия.

Итак, “чрезвычайка” есть временная и чрезвычайная русская компенсация отсутствия профессионального военного сословия; дворянство – служилое по сути сословие.

Сила опричного принципа и специфика обусловленной им технологии власти таковы, что он может быть реализован и без создания “чрезвычайки”. В определенных условиях для решения чрезвычайных задач могут использоваться существующие организации и институты, которые в таком случае начинают действовать неинституциональным образом и в иных, чем исходно

“заложенные” в них, целях, то есть функционально превращаются в “чрезвычайку”, содержание оставляя регулярными институтами.

Необходимо особо подчеркнуть, что опричина направлена на создание новых форм, которые подчиняют старые, используя их в качестве фундамента для создания новых систем. Не случайно результатом первой опричины было Московское самодержавие, второй – Петровско-петербургское, третьей – СССР, советский коммунизм. Опричный принцип созидателен по определению. Поэтому, например, керенщина или горбачевщина не могут считаться формами реализации этого принципа, поскольку их целью – сознательно или стихийно-объективно – было разрушение, управленческий хаос; к тому же и у Керенского, и у Горбачева были кукловоды – как внутри страны, так и за рубежом; опричина же по определению не марионеточное явление.

Чрезвычайный (опричный) контур власти был мерой, направленной против встроенную в русскую власть с княжебоярских времен и постоянно присутствующую в ней тенденцию к олигархии, против олигархического принципа. Весьма показательно, что даже в XVIII – первой половине XIX в. в начале правления каждого монарха вельможи каждый раз пытались протолкнуть олигархический проект, ограничивающий самодержавие, превращающий его в олигархическое самодержавие. В СССР торжество олигархии называлось “возвращением к ленинским нормам власти”.

Наиболее отчетливо стремление олигархизировать самодержавие проявилось в попытках вельмож ограничить центральную власть при воцарении Екатерины II и Александра I. Ну а декабристы своим собором из 120 навечно назначенных бояр и подавно под видом республики стремились реализовать олигархическое самодержавие, в котором тотально-самодержавная по сути бюстительная власть должна была надстроиться вполне опричным образом над системой разделения властей. По этому поводу, перефразируя Троцкого, можно сказать: “без царя, а правительство – боярско-самодержавное”. В самом конце XIX в. власть в России просто олигархизировалась: “единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию, увы! не достойных, а более бесстыдных”, – писал в своих воспоминаниях о позднем самодержавии Н. Е. Врангель. То же самое произошло с поздним коммунизмом: власть в СССР в 1960–1970-е годы – это олигархия, то есть произошло то, с чем упорно боролся Сталин.

И вот что показательно: олигархизация власти в России, торжество олигархического принципа, объективно ослабляющего центральную власть, всегда было на руку западным противникам России, и они работали на развитие именно этого принципа как прямым (ослабление России финансово-экономическими, военно-политическими и информационно-психологическими средствами, последние – от идейно-религиозной диверсии под названием “церковная реформа XVII в.” до “художеств” времен Холодной войны), так и косвенным (способствование развитию в России альтернативных форм власти – масоны, революционеры и т. п.). Существует прямая положительная корреляция между уровнем интегрированности России в мировую капиталистическую систему и степенью мощи олигархического принципа. Не случайно наибольшую силу он набирал в послереформенной России и посткоммунистической РФ, да и в СССР он набирал силу прямо пропорционально экономической и культурно-психологической интеграции страны, ее верхов в капиталистическую систему.

Замечу еще раз: олигархический принцип встроен в автосубъектную власть. У нас это наследие княжебоярского симбиоза, от которого никуда не деться, это выстрел из ордынского прошлого Руси, стрела, расщепить которую влёт призван опричный принцип – выстрел из будущего. Столкновение двух принципов породило самодержавие и, соответственно, самодержавный принцип, который, как уже говорилось, начал жить самостоятельной жизнью, замкнув “триаду”.

Много опричин, хороших и разных?

Исторически первой опричиной была таковая Ивана Грозного. Вторая опричина – петровская гвардия. “Бархатной” формой реализации опричного принципа были “Редакционные комиссии”, готовившие отмену крепостно-

го состояния, и “Верховная распорядительная комиссия” Лорис-Меликова. Наконец, третья причина — это большевики, XX век. Здесь, однако, ситуация далеко не проста. Организацией квазиопричного типа была ленинская партия профессиональных революционеров. Придя к власти с иностранной помощью, она довольно быстро выродилась в “ленинскую гвардию”, особенно после того, как в 1923 г. растаяли последние надежды на мировую революцию, ради которой брали власть в октябре 1917 г., и гигантские счета в иностранных банках из мир-революционной собственности превратились в личную. “Гвардия”, олигархический характер которой признавал сам Ленин, в 1920-е годы повела страну если не к разрушению, то окончательному превращению в придаток Запада. Именно с этой выродившейся, уже не красной и немолодой (во всех смыслах) “гвардией” пришлось столкнуться Сталину в ходе создания сильного советского государства.

К этому столкновению Сталин подошел творчески: он полностью использовал опричный принцип, не создавая при этом свою опричнину — последнее было невозможно. В то же время существующие институты и структуры были ориентированы на “гвардию Ильича”, по крайней мере, так они задумывались и конструировались. Вот эти уже существующие структуры Сталин сумел заставить выполнять чрезвычайные, внеинституциональные функции, работать в качестве его опричны, то есть чрезвычайного органа, ориентированного на цели, прямо противоположные исходным, — “и лучше выдумать не мог”. Сталин заставил регулярные структуры работать в чрезвычайном, то есть несвойственном их природе (содержанию), функциям и целям режиме, рекомбинируя и сталкивая их. Он не всегда побеждал, ему приходилось отступать и кружить, “сживая врага со света”, его жизнь часто висела на волоске, особенно в 1936–1938 гг. Однако в конечном счете он выиграл, обогатив опричный принцип нестандартным применением.

Опричнина Сталина — это опричнина без опричины, функциональная опричнина. Успеху сталинской Игры в немалой степени способствовало то, что в молодом советском обществе институты еще не до конца оформились, и их можно было на какое-то время “перепрофилировать” или вообще использовать неинституциональным способом. Как только оформление произошло, пространство опричных игр стало сжиматься и в конечном счете сжалось до одной, отдельно взятой фигуры — вождя, а после его смерти началась олигархизация.

Русские опричины были очень разными, каждая из них соответствовала своему времени. Так, опричнина Ивана Грозного приняла форму квазимонашеской организации. Петровская опричнина в духе XVIII в. была гвардией. Большевистская — в духе XX века — партией, правда, невиданного доселе “нового типа”. Наконец, Сталин использовал опричный принцип с опорой на властные структуры и спецслужбы. Однако суть, чрезвычайная и в то же время легальная, оставалась прежней, как и целевое назначение — подчинение существующих властных институтов новой форме.

Опричнина представляет собой орган комплексного воздействия на социальный процесс, комплексный аппарат управления. Здесь задействованы властное измерение (энергия), собственническое (вещество), идейное (информация). При этом от опричины к опричнине роль и значение психоинформационного измерения возрастает. Если в опричнине Ивана Грозного оно играет минимальную роль, то у Петра I оно на первом плане — культурный переворот, изменение психоисторического кода, правда, охватывающий только верхушку.

В ситуации применения опричного принципа Сталиным, так же как и в опричнине “профессиональных революционеров”, психоинформационный аспект не только приобретал первостепенное значение, но его объектом становились все слои населения.

И еще одно. Каждой последующей опричнине приходилось иметь дело с обществом, находившимся в худшем социальном и социально-психологическом (психическом) состоянии, чем то, с которым имела дело предыдущая “чрезвычайка”. Опричнина Ивана имела дело с относительно здоровым обществом, груз его проблем накапливался в течение длительного времени, развитие шло медленным темпом, русское население было свободным. Наиболее острые противоречия концентрировались главным образом наверху социальной пирамиды. Пользуясь пушкинскими метафорами, можно сказать: “море слегка разыгралось”, “помутилось синее море”.

Петр курочил все еще сильное, но уже не вполне здоровое русское общество — подгнило что-то в царстве русском. Этим чем-то были, во-первых, результаты раскола, надломившего русскую жизнь и вымостившего дорогу петровским преобразованиям и его “бесенятам”; во-вторых, крепостное, то есть несвободное состояние части русских людей — тоже своего рода раскол; в-третьих, беспокойство “бунташного века” — “неспокойно синее море”, “почернело”.

Сталин “работал” опричный принцип в очень больном обществе — пореформенно-революционно-послереволюционной России, в России эпохи Смуты 1870–1920-х годов, когда декаданс верхов тесно перемешивался с разложением низов (Распутин в этом плане фигура символичная). Мало того, что в пореформенной России, давшей свободу силам гниения, распада, подмороженным Николаем I, шел процесс разложения старого, обгонявший процесс социальной организации, на все это наложились хаотические результаты революции и гражданской войны, стихия, развязавшая руки “биологическим поддонкам человечества” (И. Солоневич) и планомерная деятельность по уничтожению России и русских интернационал-социалистами (“замыслы неистовых хирургов” — М. Волошин). Ну а в довершение — отвратительный нэп, добавивший к разложению старого режима еще более быстрое и отвратительное по форме разложение нового режима, нэп, провалившийся уже в середине 1920-х годов и тащивший за собой в Тартар Истории, то есть в сырьевое и “культурное” рабство у буржуинов Советскую страну. Плюс сопротивление и вражеское окружение (“...на море черная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют”). Иными словами, сталинская “опричина” имела дело с очень больным — сверху донизу — обществом. И к тому же с неизмеримо более сложным обществом, чем в XVI или XVIII вв., неизмеримо более сложным и враждебным внешним миром и неизмеримо более сложными, почти неразрешимыми задачами на повестке дня.

Ясно, что больное общество лечить намного тяжелее, чем легко- и среднебольное, тем более, что лекарей и средства для лечения надо извлекать из этого больного, взбалаченного общества, из “России, кровью умытою” и уже привыкшей к крови, с трудом понимающей иной язык и, главное, перешедшей от “горячей” гражданской войны 1918–1922 гг. к “холодной гражданке” 1920-х, которую будут усмирять встречным пожаром репрессий 1930-х годов и которая окончательно выдохнется во время Великой Отечественной войны. И то, что в таких условиях Сталин не создал свою опричину, а использовал опричный принцип как кладенец-невидимку, является скорее плюсом, чем минусом. Впрочем, каждое приобретение есть потеря и каждая потеря есть приобретение, как говорят наши заклятые “друзья” англосаксы.

Различия между тремя опричинами не сводятся к тому, что сталинская была скорее принципом, материализовавшимся в различных организациях, а опричины Ивана IV и Петра I — конкретными организациями-“чрезвычайками”. Еще более важно и серьезно другое отличие — по содержанию, классово- и цивилизационной (“национальной”) направленности.

Опричины Ивана и Иосифа Грозных (“грозненькая” версия опричины) — это одно. Опричина Петра I (“питерская” версия) — другое. Различия следует искать в том, насколько эти варианты сплывали страну, власть и народ в единое целое, как работали на развитие России как особого культурно-исторического типа (цивилизации).

“Грозненская” версия опричины в обоих своих вариантах носила ярко выраженный национальный характер, сплывала верхи и низы в достижении единой цели, а в цивилизационном плане была выражением самобытного развития России, антизападной по направленности (в одном случае антифеодалной, в другой — антикапиталистической); обе опричины представляли собой, помимо прочего, диктатуру над потребностями прежде всего верхов.

“Питерская опричина” представляет собой жестокое (“огнем и мечом”, а точнее, дыбой и топором) создание новой господствующей группы, оторванной от народа и противопоставленной ему, социокультурно ориентированной на Запад и способной в силу этого к беспощадной эксплуатации русского населения как туземно-чужого. По различным оценкам, за петровское правление уровень эксплуатации населения властью и господствующими группами вырос в 5–10 раз по сравнению с 1670–1680 годами, и это при неизменном уровне создаваемого совокупного общественного продукта. Ясно, что

речь идет просто об узаконенном грабеже, и неудивительно, что его результатом стало сокращение населения на 20–25%, разорение целых социальных групп и погром экономики, от которого она оправилась только к середине XVIII в. К этому же времени относится окончательное социально-экономическое (но не социально-политическое) формирование нового – западоидного – дворянства, дерущего с крепостных рабов три шкуры и не считающего их людьми.

Дело в том, что довольно скоро после оформления крепостничества в 1649 г. стало ясно: Московское самодержавие как форма неадекватно крепостнической системы, не может обеспечить ее реальное развитие, так как господа и крепостные относятся к одной культуре, у них одни и те же вера, ценности, язык, да и быт отличается не качественно. Для полномасштабной реализации крепостничества нужна была другая по форме и технологии власть, другая форма самодержавия – такая, где верхи и низы отличаются друг от друга как два субэтноса. Эту систему создал Петр на основе западных властных и гуманитарных технологий. Его “кромешники” – это уже не ордынская или московская технология власти, а западная, отлившаяся в форму гвардии. Без этой технологии, без гвардейско-армейской оккупации страны русские верхи не превратились бы в отдельный народ, русские крепостные не стали бы рабами екатерининских времен, а крепостное состояние так и осталось бы зачаточно-русским, относительно мягким. Ну а формально реализации этой технологии внутри России помогла внешняя военная ситуация – Северная война, с которой началось интенсивное и жестокое включение России по политической линии в мировую систему XVIII в., в отстоявшуюся за вторую половину XVII в. “вестфальскую систему”.

Формально – во-первых, потому, что главные победы в войне были одержаны не новой армией и флотом, а старыми. Победу при Лесной, “матерь полтавской виктории” одержали полки “старого строя”, а главные морские победы над шведами одержал не парусный, а гребной флот.

Во-вторых, что еще более важно, эксплуатация продолжала нарастать и после того, как в войне произошел перелом (1708 г. – битва у Лесной; 1709 г. – Полтавская битва; 1714 г. – Гангутский бой), и Россия медленно, но верно пошла к победному для нее финалу 1721 г. Еще в 1716 г. Военный Устав был распространен на гражданскую службу; уже после окончания войны в соответствии с законом о поселении полков (“Плакат”, 1724 г.) армейские полки (200 тыс. чел.) были размещены на вечные квартиры по губерниям и уездам для сбора подушной подати, контроля над населением (чтоб никто не покидал место жительства без разрешения) и гражданской администрации, выполнения полицейских функций (все это нельзя охарактеризовать иначе, как оккупацию всей собственной страны – Грозный оккупировал только часть, и то временно). Иными словами, не в войне дело, а в задаче резкого усиления социального контроля в целях увеличения и ужесточения эксплуатации. При чем до такой степени, что “птенцы гнезда Петрова” вынуждены были серьезно притормозить политику Петра буквально через несколько недель после его смерти (записки генерал-прокурора Ягужинского императрице о неминуемой финансовой катастрофе из-за разорения крестьянства). Однако, как в случае с Иваном IV и Смутой начала XVII в., петровская опричнина набрала инерцию и, несмотря на вялотекущую “смуту наверху” в виде дворцовых переворотов, в елизаветинско-екатерининское правление из петровской опричнины открылосталлизовалось Петербургское самодержавие (правда, с привкусом и послекусием дворяновласти, с которым пытались бороться Павел I и Николай I), если так можно выразиться, “самодержавие с дворянским лицом”.

Логическим результатом петровской опричнины и имманентной чертой Петербургского самодержавия, достигшей пика при Екатерине II, стало полное рабство крепостных и усиление в ее правление в 3–4 раза эксплуатации как частновладельческих, так и крепостных крестьян. И это при внешних и внутренних займах, из-за которых госдолг к концу правления “матушки” достиг 200 млн рублей. России удалось расхлебать эти результаты правления Екатерины только в николаевское время благодаря реформе Е. Ф. Канкрин.

Таким образом, объективно векторы “грозненских” и “питерской” опричнин были разными, именно поэтому я их и противопоставляю друг другу. Но различие не только в направленности, то есть в перспективе, но и в ретроспективе. Чрезвычайные режимы Ивана и Иосифа Грозных вводились в

схожих обстоятельствах. К середине 1560-х годов, как и к концу 1920-х, было проедено материальное наследие — “вещественная субстанция” — предыдущих эпох. В 1560-е годы был исчерпан земельный фонд, из которого дед и отец Ивана IV черпали землю для раздачи в качестве поместий. Исчерпан до такой степени, что Ермолай Еразм советовал царю перестать раздавать детям боярским землю, а посадить их на “продовольственный паек” — этот “подход” будет реализован в сталинскую эпоху, когда различные ранги номенклатуры станут отличаться друг от друга объемом и качеством потребляемого.

В 1920-е годы было исчерпано наследие дореволюционной эпохи: промышленность развалилась, сельское хозяйство стагнировало, оба эти сектора не создавали друг другу условий для расширенного производства.

В 1564-м и 1929 г. перед властью стоял нелегкий выбор: за счет кого предпринять новый рывок, кто станет главным источником материальных средств для рывка и создания новой формы власти — верхи или низы? Ясно, что так или иначе, в той или иной степени — и те, и другие. Но в какой степени? В каком соотношении? И какой будет ориентация рывка — государственно-национальная или олигархическая с оглядкой на Запад?

Иван Грозный и Сталин выбрали удар по верхам (впрочем, и низам досталось) и национально ориентированный курс. Земщина (боярские фамилии) против своей воли профинансировала опричнину. “Ленинская гвардия” — тоже против своей воли, но продлевая себе тем самым жизнь, — в значительной степени профинансировала индустриализацию: награбленные в России с 1917 г. миллионы фунтов, долларов, франков, марок, драгоценности, которые “гвардейцы Ильича” размещали в западных банках сначала главным образом для целей мировой революции (то есть мирового захвата власти), затем главным образом для себя. С конца 1920-х годов и с ускорением после 1929 г. деньги стали возвращаться в СССР: фонд “мировой революции” заработал на индустриализацию “одной, отдельно взятой страны” (именно этого больше всего не могут простить Сталину сродственники и потомки большевистской верхушки, отсюда — ненависть, здесь ее “логово”, как сказал бы Глеб Жеглов).

Это то, что Гегель называл коварством Истории: награбленное было возвращено и позволило СССР в течение десяти лет выйти на второе место в мире по объему производства; те, кто готовил России место в топке мировых процессов, сами угодили в нее, а пепел был унесен ветром Истории.

И действительно, бывшие хозяева страны, корезившие ее на потребу левых и правых глобализаторов с их прожектами мирового правительства, державшие русских за своего рода индейцев, попали в плен к власти, развернувшей социализм именно в сторону “индейцев”, представители которых и занялись чрезвычайной работой в подвалах Лубянки. Как говорится, “ступай, отравленная сталь, по назначенью”. И это назначение совпало с задачей индустриализации России (СССР), не позволившей гитлеровскому евро-союзу смять нас, то есть с задачей общенациональной.

Питерская версия опричнины versus грозненских, или погоня за убегающим пространством

В отличие от грозненских опричнин, возникших на основе и в условиях исчерпания системой вещественной субстанции предыдущей эпохи, что ребром ставило вопрос перераспределения (кто исключает кого? кто отсекает кого от общественного “пирога”/продукта и в какой степени?), появлению “питерской” опричной версии не предшествовало никакое исчерпание вещественной субстанции. Напротив, последнее тридцатилетие “бунташного” XVII в., не будучи спокойным, как и весь век, и не идя ни в какое сравнение, например, с тридцатилетиями 1500–1530, 1825–1855 или 1955–1985 годов, в целом все же было нормальным. По крайней мере, оно не ставило вопросы о переделе власти и собственности из-за нехватки вещественной субстанции. Вопрос был иным и возник на иной основе.

Выше уже говорилось о том, что Московское самодержавие в силу его патриархальности не могло обеспечить такое функционирование крепостничества, которое было бы адекватно сути этой системы. Во-первых, оно не обладало достаточной “массой” насилия и социального контроля; достаточно заметить, что подавление казацко-крестьянской войны Степана Разина

потребовало задействовать половину вооруженных сил страны в сорока крупных сражениях. “Бунташный век” — реакция на крепостничество — показал, что вставшему на ноги самодержавно-крепостническому строю нужна иная, уже не ордынско-московская, а западная технология власти, с помощью которой можно осуществить новое завоевание страны (перезавоевание, оккупацию: “проходят петровцы — салют Батыю”).

Восстановив в середине XVII в. грозненское самодержавие и установив крепостничество, Московское царство лишь зафиксировало некое состояние, но не смогло сколько-нибудь серьезно двинуть его дальше. Крепостные порядки мало продвигались, несмотря на их развитие вширь и вглубь; они не пускали сильных корней. Так, во второй половине XVII в. после смерти старого хозяина новый брал с каждого крепостного личную клятву быть крепким наследнику, то есть налицо личные отношения. А ведь крепостное право предполагает автоматическую и безличную вечную службу семьи крепостных семье их владельца. Что-то, помимо нехватки насилия, мешало, сопротивлялось в XVII в. установлению такого порядка.

Во-вторых, и это имеет отношение к указанной помехе (я уже говорил об этом выше), крепостничество требовало не просто большего социального контроля, а резкого качественного усиления дистанции между господами и угнетенными, слома той патриархальной практики отношений верхов и низов, которые существовали с киевских времен, упрочились в ордынские и московские времена, получив дополнительный стимул во время Смуты и послесмутного восстановления, и в основе которых лежали общие, разделяемые верхами и низами язык, вера, ценности, тип культуры. Обеспечение такой дистанции требовало не только переворота-разлома в культуре, но создания новых властных институтов (старые, например, земские соборы, с середины XVII в. затухали), новых, более отвечающих задачам самодержавно-крепостнического строя и новой европейской эпохе господствующих групп.

Фундамент для увеличения дистанции между верхами и низами объективно закладывали Алексей и Никон с помощью церковной реформы. Раскол был первым по-настоящему крупным, масштабным духовным (психоинформационным), социальным и организационным, короче, психоисторическим конфликтом, вызванным самодержавием в соответствии со своими внутренними и внешними (последние в данном случае были ложными, “навешанными” иезуитами простоватому, мягко говоря, Алексею) целями. Однако линия алексеевско-никоновского раскола не прошла четко между верхами и низами: сторонники старой веры были во всех слоях. И все же Алексей и Никон нанесли первый мощный удар как по русской традиции, так и по единству населения.

В известном смысле раскол может рассматриваться как генеральная репетиция по отношению к петровским реформам (ср. Просвещение и Французскую революцию, а также террор в России конца 1870-х и революцию 1905—1907 годов, с одной стороны, и революцию 1917 г., с другой). И все же задачу дистанцирования никоновская психоинформационная акция не решила, поэтому-то Аввакум, возражая тем, кто видел в Никоне Антихриста, говорил: “Дело-то его и ныне уже делают, только последний-ет черт не бывал еще”. То есть Антихриста пока нет, но он явится.

Не истончение вещественной субстанции прошлой эпохи, а ее передел в целях создания новых форм социального контроля, потребовавших, в свою очередь, создания новых властных институтов, независимых как от низов, так и от верхов, и, самое главное, новых господствующих групп, оторванных и автономных от низов, отделенных от них в плане культуры и способных жестоко эксплуатировать их — эдаких “чужих” и “хищников” в одном флаконе. Эта задача была решена Петром с помощью его опричнины, развернувшейся после перелома в войне со шведами. Как и всё в России, включая все опричнины, петровская полностью и всех своих целей не достигла — Россия вязкая страна. Победоносцев не зря заметил, что Россия — тяжелая страна: ни революция, ни контрреволюция здесь до конца не доходят. А потому, добавлю я, результаты первой и второй внешне здесь часто похожи. Так же, кстати, и с опричниками: конкретно-исторические различия между ними не стоит абсолютизировать; главные различия несут, как сказал бы М. Вебер, “идеально-типологический”, векторный характер.

Как я уже сказал, всех целей петровская опричнина не достигла. Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, она быстро проела то, что

создавалось в течение десятилетий до нее, проела, помимо прочего, из-за фантастического воровства “птенцов-кукушат гнезда Петрова”, масштабы которого несопоставимы с воровством грозненских опричнин (и это еще одно различие между двумя типами русских опричнин, связанное, кстати, с их направленностью и вопросом о соотношении контроля со стороны Центра над верхами и низами). Результат – истощение страны и курс на отмену “чрезвычайки”.

Во-вторых, главным образом пассивное сопротивление населения, помноженное на необъятные пространства, которые с трудом поддавались “неоинституционализации” (читай, например, “Старые годы в селе Плодомасове” А. Лескова). В-третьих, стремление монархов все более опираться на дворянство в целом, чтобы ослабить хватку чрезвычайки-опричгардии, которая ощущалась и на горле монархии. А такая опора предполагает уступки дворянству, вплоть до очень существенных при Екатерине II. Элементы дворянства, утвердившиеся при ней, не усиливали самодержавие непосредственно, но усиливали крепостничество. Усилили до того, что самодержавию в лице Павла I и особенно Николая I пришлось вступить в борьбу с этой тенденцией и ее персонификаторами.

Вернемся, однако, к результатам петровской опричнины. Не достигнув всех целей, они, как и опричнина Ивана Грозного, оказались сильны своей инерцией (в том числе и потому, что измотали население и, заставив его бороться за выживание, заблокировали возможность эффективного сопротивления) и привели уже в екатерининское время к главной из поставленных целей: создали новую господствующую группу квазизападного типа, способную жестоко эксплуатировать крепостных, относительно эффективно контролировать огромную территорию и защищать ее от внешнего врага как свою зону.

Достижению целей петровской опричнины способствовал еще один мощный фактор, который в начале XVIII в. сработал на питерскую версию опричнины так же, как в середине XVI в. – на опричнину Ивана IV. Этот фактор – русское сельское хозяйство с его невеликим продуктом, следствием чего является господство экстенсивного типа развития над интенсивным. Компенсируя слабые возможности интенсификации, развития вглубь, русское хозяйство развивалось вширь – путем экспансии. Это прежде всего монастырская колонизация XIV–XV вв., ну а в XVI в. русский человек перевалил за Камень (Урал) и начал осваивать Сибирь. Русофобы квалифицируют русскую экспансию как имперскую, якобы свидетельствующую об агрессивности и политическом экспансионизме России и русских. На самом деле экспансия носила, во-первых, хозяйственный характер; во-вторых, народный (помимо прочего, в XVII в. народ, наиболее активные его элементы побежали сначала от самодержавия, а затем от никонианства). И только в-третьих можно говорить о политическом характере экспансии, обусловленном прежде всего тем, что власть гналась за растекавшимся народом, бежала за ним, стремясь откристаллизовать эту жидкость, “подморозить” и в таком виде поставить под контроль. Но в основе всего, повторю, специфика русского хозяйства с его малым продуктом. Отсюда – экстенсив, постоянное расширение русского пространства. Закончился в конце XIX в. экстенсив, и шарахнули революции начала XX в., а затем возник советский коммунизм – попытка (впервые в таком масштабе в русской истории!) превратить русское экстенсивное развитие в интенсивное.

Во второй половине XVII в. в процессе освоения русскими евразийского пространства произошел качественный скачок, к которому Московское самодержавие не было готово и которому оно не было адекватно. Оно не поспевало за стремительно растекавшимся по стремительно расширяющемуся русскому пространству населением, не годилось для выполнения этой задачи. Не только внутренние факторы, но и внешние – территориальный рост, сопровождающийся увеличением внешних угроз, – делали его неадекватным новым задачам, задачам новой эпохи. А эпоха эта характеризовалась превращением Московской Руси в то, что Ф. Бродель называл “мир-экономикой”, а И. Валлерстайн – мир-системой. В XVII в. Московское царство стремительно превращалось в мир-систему, которая просуществует до середины XIX в. и пиком развития которой станет николаевская эпоха. После Крымской войны Россия станет превращаться в элемент мировой системы, однако сталинский национал-большевизм вырвет ее оттуда и превратит в мировую антикапиталистическую систему, пиком развития которой станет брежневская эпоха.

Ключевский называет третий период русской истории великорусским, датируя его серединой XV – началом XVII в. (я бы прибавил полстолетия). Главной чертой этого периода историк считал растекание главной массы русского населения из верхневолжской области на юг и восток по донскому чернозему. Н. П. Огановский именуется этот период московским, доводит его с середины XV до конца XVII в. (я бы убавил полстолетия) и подчеркивает колонизацию Поволжья и Прикамья. По сути оба историка говорят о стремительном растекании русского населения во все концы – власть не поспевала за ним. “Текущий элемент русской истории” – так характеризовал русский народ Ключевский. Власть, иными словами, не поспевала за мир-системой, она была патриархально-московской, а нужна была российская, “имперская”.

Более того, с 1620-х годов, считает Ключевский, начался новый период русской истории – всероссийский, продлившийся до середины XIX в. Н. П. Огановский называет этот период имперско-дворянским, правда, связывает его не с XVII, а с XVIII – серединой XIX в. Оба историка говорят о втором колонизационном поясе (Новороссия, Нижнее Поволжье), о распространении русского народа по всей равнине от Балтийского и Белого моря до Черного и Каспийского, о проникновении за Камень (Урал) и Каспий, о присоединении к России Малороссии, Белоруссии, а в XVIII в. Новороссии. Середина XVII в. – (вос)становление самодержавия приходится на переход от великорусского (московского) периода аграрно-исторического развития русского народа к всероссийскому (имперско-дворянскому; “мир-системному”). Народ и хозяйство совершили этот переход, а Московское самодержавие – нет, не смогло, потому что было “заточено” под предыдущий период, решало и решило в тяжелейших условиях его задачи. А затем – пятьдесят лет пробуксовки.

Иначе говоря, “пространственно”, количественно русское пространство и русский продукт увеличились (без качественного увеличения последнего), а власть и ее формы остались прежними, что, помимо логики развития крепостничества, еще более обостряло необходимость передела “вещественной субстанции” (при том, что она вовсе не была истощена, исчерпана) в пользу верхов, способных по-новому организовать, темпорализовать расширившееся пространство. А это, в свою очередь, требовало чрезвычайного, опричного создания для этого новых органов и слоев. Иными словами, упрощая, можно сказать, что питерская опричнина была ответом на вызов пространства, а грозненские – на вызов времени, и это многое, хотя и не всё, объясняет в них.

С учетом опыта питерского типа опричнины становится ясно, что не стоит испытывать иллюзий по поводу опричнины вообще: смотря какая опричнина – грозненская или питерская. Впрочем, не стоит питать иллюзий и по поводу грозненских опричнин. Начать с того, что в рядах опричнины немало тех, кому любо насилие, кто использует его в своих целях, а то и просто “биологических подонков человечества”, и чем менее здорово общество, тем в большей степени. У опричнины, по крайней мере у ее части, пусть небольшой, всегда есть соблазн и риск превратиться в эскадроны смерти.

Будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и крайних людей, и чем тяжелее общественная ситуация, которую должна скорректировать опричнина, тем острее край. С учетом этого, забегая вперед, можно предположить, что неоопричнина XXI в., если она возникнет, будет самым горьким лекарством, расплатой за беспредел постсоветского периода, и ударит она, как это всегда бывает в истории, не только по виноватым. Заменяя в фразе Мартина Лютера слово “истина” на слово “опричнина” можно сказать: “дух “опричнины” болезнетворен. Ибо “опричнина” не лестна. И он повергает в болезнь не просто того или иного человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы всё озлить, онедужить, усложнить, а не оберечь, опосредовать и оправдать”. Опричнина – болезненное, смертельное средство лечения смертельной болезни. Но спрашивать нужно не с опричников, они сами – боль, а с тех, кто запустил болезнь или даже культивировал ее.

И еще одно: опричнина никогда не достигает своих целей до конца. Один из парадоксов опричнины заключается в том, что без нее невозможен рывок из тупика посредством выхода в новое социальное измерение. Однако “чрезвычайка” не может быть вечной, а цена и побочные результаты часто таковы, что нужно их убирать, ликвидировать (часто вместе с опричниками). А в этом “оттепельном” процессе, как правило, вылезает то, с чем боролась опричнина

на, вылезает и начинает жить своей жизнью, жизнью полной ненависти к данному строю и породившей его причине. Ненавистью и жадной реванша.

Завтра была опричина?

Русская история демонстрирует со стеклянной ясностью: субъектом исторически судьбоносных рывков в развитии страны являются не массы, не институты и не отдельные личности, а чрезвычайные комиссии, “чрезвычайки”, первой среди которых была опричина Ивана Грозного. Именно чрезвычайный субъект, “профессиональные чрезвычайщики” “заводят” массы, организуют и направляют их. Ленин четко зафиксировал это в своем “учении” о “партии нового типа”. Но что такое “партия нового типа”? Это же “чрезвычайка” с антисистемной направленностью – не более, но и не менее. Ленин на антисистемный лад рационализировал то, что уже дважды осуществлялось в России самой властью и на что современная Ленину власть уже не была способна.

Именно опричина делает в русской истории грязную работу, вычищая грязь и гниль, сгоняя русских Емель с печи и, подобно швейковскому капра-лу, напоминая им: “Помните, скоты, что вы люди”.

Сегодня РФ находится в провале и в тупике (провальном тупике). Видны ли какие-нибудь силы, способные вывести ее из этого тупика? Нет. Институты? Нет. Ситуация похожа на таковые 1560-х и 1920-х годов. Откуда пришло решение в те дальние годы? Из раскола верхушки – часть ее во главе с первым лицом (царем, генсеком) использовала внеинституциональные средства, жестко поставив другую часть под контроль и на службу национальному/имперскому (национально-имперскому) целому, выступив по отношению к этому целому в качестве особой, чрезвычайной организации, почти ордена (“корпорации”).

А что вызвало раскол? То, что было проедено наследие, вещественная субстанция предшествующей эпохи, предшествующей системы и встал вопрос о переделе общественного “пирога”. И опять мы оказываемся в ситуации, аналогичной, если не тождественной 1560-м и 1920-м годам: в середине ближайшего десятилетия, эдак в канун столетия Октябрьской революции будет почти полностью проедено советское наследие: промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, коммуникации – всё придет в негодность, поскольку в последние десятилетия ничего нового не создавалось, проедалось старое – и оно же проедалщиками хаялось (как не вспомнить поговорку: едят и гадят в одном и том же месте только свиньи). Как только это произойдет, встанет вопрос: кто будет основным источником “накопления” для движения в будущее – население или коррумпированные чиновники и “бизнесмены”? Власти придется выбирать, и любой выбор – тяжелый и опасный.

С населения и так уже почти нечего взять, к тому же, доведенное до отчаяния, оно может взбунтоваться – терять нечего, а тупо-зомбирующие телепередачи, достигнув точки асимптотического насыщения, станут работать контрпродуктивно. Коррумпированные чиновники и “бизнес” – часть самой власти, связанная с криминалом и иностранным капиталом, – тоже опасно. Тем более, что общество носит криминальный характер (во многих его сегментах криминализация становится формой социальной организации), психически нездорово, и любые резкие действия могут привести к непредсказуемым последствиям. А без резких действий – крышка.

Время паллиативов прошло; “приглашение” внешнего правления или торговли территориями маловероятны и, главное, не решат проблему. Правда, возможна попытка создания на территории РФ неких особых зон, отделенных от “остальной” территории и связанных с глобальным миром, его центрами в значительно большей степени, чем со своей страной. По сути это анклав глобального мира. Кенити Омаэ называет их регион-экономиками, или регион-государствами. Регион-экономика – естественная деловая единица “глобальной информационной экономики”, которая представляет собой территориально обособленный комплекс, решающий свои проблемы путем привлечения глобальных ресурсов и встраивания себя в глобальные товарные цепи.

Регион-экономика – это единица производства и потребления с численностью населения не менее 5 млн чел. (иначе не будет обеспечен привлекательный рынок для потребительских товаров) и не более 20 млн, чтобы обес-

печить единство граждан как потребителей. Во всем мире, считает Омаэ, идет рост таких единиц. Это Силиконовая долина в США, районы Сютокен и Кансай в Японии, Баден-Вюртемберг в Германии, Лангедок – Руссийон – Каталония (Франция – Испания) и др.

Необходимо отметить, что все указанные регион-экономики возникают не посреди моря бедности и разрухи, а как органичный авангард промышленно развитых экономик. Возникновение таких регионов в бедных странах поставит задачу эффективной изоляции/сегрегации их от бедноты, вплоть до возведения стен а la средневековые города. Подобные “неосредневековые города” уже появились – например, Альфавиль в Бразилии. Огромный город-регион, отделенный мощными укреплениями от мира бедноты, описан К. Бенедиктовым в романе “Битва за Асгард”. В России “асгарды” не пройдут – по той же причине, по которой здесь не прошли феодализм и капитализм. Перефразируя фразу Тютчева о России, что она – Ахилл, у которого пятка везде, можно сказать, что русские “асгарды” будут сплошными пятками, хотя просуществовать какое-то время “под знаменем” инноваций – пока не будут “распилены” инновационные средства – могут. Короче, куда ни кинь, всюду клин, а ситуация запущена и усиливается мировым кризисом.

Можно ли прекратить бесконечность тупика с помощью опричнины, применением “опричного принципа”? Русская история показывает, что можно. Но все зависит от того, кто, как и в “блоке” с каким принципом станет применять. Если опричный принцип соединится с олигархическим, мы получим второе издание питерской версии. Пользуясь терминологией XX в., это будет даже не правоавторитарный, а правототалитарный режим, а еще точнее, тоталитарно-анархический, что-то вроде описанного О. Маркеевым в романе “Неуточный фактор”. Скажу прямо: у правой диктатуры в постсоветской России шансы невелики. Своих сил продержаться у нее мало, значит, понадобятся “чужие штыки” и внешнее управление. Оккупация России чужаками всегда кончалась плохо для чужаков и коллаборационистов.

Если же опричный принцип блокируется с самодержавно-национальным, то результатом будет левая диктатура, и этот вариант намного более вероятен, хотя бы потому, что в России власть всегда важнее собственности, и в этом плане с точки зрения русской истории как пореформенная Россия, так и постсоветская РФ суть социально-экономические извращения (не потому ли в обеих так много и половых извращенцев – *abyssus abyssum invocat*, “бездна бездну призывает”).

Вполне возможен раскол верхушки и столкновение двух типов опричнины – “грозненского” и “питерского”, и это будет новация в развитии опричного принципа. За первым будет стоять схема нации-корпорации и империи, за вторым – “регион-государства” (“рынка-государства”), условно говоря – “Четвертый Рим” против “Асгарда”. При этом при прочих равных большие шансы на победу имеет та опричнина, которая успешнее сыграет на мировой арене, используя противоречия возможных недругов и создав сеть международных союзов. Год назад, выступая в Гаване на конгрессе по глобальным проблемам, я сказал, что нациям-корпорациям (или государствам, избравшим этот путь, автоматически предполагающий левую диктатуру) в борьбе с неоимпериализмом, транснациональными корпорациями и корпорациями-государствами необходим союз – нечто вроде V Интернационала. Помимо прочего, это заставит буржуинов распылять силы.

Впрочем, не исключена еще одна новация-выверт русской истории: синтез “грозненской” и “питерской” версий опричнины, хотя здесь сразу же возникает много проблем. Но нам не привыкать: Россия страна и проблемная, и экспериментальная, здесь часто работает принцип “не жалко никого: ни тебя, ни себя, ни его”.

Победа “левой опричнины” – это только начало тяжелого пути, который можно охарактеризовать фразой ненавистника России, Черчилля: кровь, пот и слезы. Новая опричнина будет разворачиваться в обществе намного более разложившемся и криминализованном, чем сталинская. И это несомненно наложит свой отпечаток на неоопричнину – здесь не надо питать иллюзий.

Далее. Нынешняя Россия – это обнажившиеся пласты-дефекты сразу нескольких эпох русской истории, концы и начала в бардаке последних десятилетий спутались между собой – “всё смешалось в диком танце” (Н. Заболоцкий). РФ – футуроархаическое общество: рядом с виртуальным миром

XXI в. существуют материальные реалии XVIII–XIX вв., не говоря уже о существовании различных типов русского человека различных эпох. Тут тебе и пугачевский “тулупчик заячий”, и мундир генерала Скобелева, и буденовки и кожанки – чекистов и люберов, и малиновые пиджаки “новых русских”. Как заметил уже поминавшийся мной О. Маркеев, “бронепоезд очередной российской революции лбом таранит рубежи двадцать первого века, а хвостовые вагоны еще болтаются на стыках века девятнадцатого”. Социально-экономическая неоднородность страны, отражающая нерешенность проблем сразу нескольких стадияльно различных экономических укладов – то есть нерешенность в прошлом, “приехавшая” в будущее, – всё это тоже проблемы, которые надо будет решать, причем быстро и одновременно, преодолевая при этом сопротивление бенефициров предыдущей эпохи, криминала и пассивность населения. Ну и, естественно, сопротивление внешних сил.

Русская неоопричина против мировой “чрезвычайки”?

У проблемы опричины, русской “чрезвычайки” и связанных с ними потрясений есть международный аспект, что неудивительно: русская история – часть европейской, евразийской и мировой. Есть некая эмпирическая регулярность, как сказал бы Н. Д. Кондратьев, в соотношении наших опричин и смутореволюций, с одной стороны, и мировых смут и войн, с другой. Исторически опричины в России становились либо преддверием мировых смут, либо их элементом.

Так, наши опричина и Смута начала XVII в. были элементом Большой Смуты, кризиса “длинного XVI века”. И вот что интересно: наша восточноевропейская смута, закончившаяся в 1618–1619 гг. (поход Владислава на Москву, Деулинский мир, возвращение Филарета из польского плена и фактическое занятие им царского трона), оказалась прологом западноевропейской Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Именно эта война не позволила Западу взять ослабленную Смутой Россию голыми руками.

Аналогичным образом обстояли дела после петровской “смуты сверху”. Несмотря на победу в Северной войне, Россия, укатанная внешней войной и внутренней погромовой войной, была слаба в 1720–1730-е годы. Однако войны, которые вели европейцы за разные “наследства”, не позволили использовать эту слабость. Ну а к середине 1750-х годов, к Семилетней войне Россия пришла в себя и сломала хребет Фридриху II. В XX веке русская революция и новая русская опричина стали преддверием и элементом новой Тридцатилетней войны (1914–1945 гг.) – теперь уже не европейской, а мировой.

Размышления о войнах – не самое приятное занятие, но абсолютно необходимое. И не только в общем плане (*si vis pacem para bellum* – “хочешь мира, готовься к войне”), но и вполне конкретном. Мы живем в предвоенную эпоху; мир вползает в кризис, которому нет аналогов*. Предвоенность эта, однако, формальная. По сути мы уже живем в военную эпоху: глобализация, “кладезь бездны” есть не что иное, как достижение военных целей мирными (финансово-экономическими, психоинформационными) средствами. Впрочем, все это не исключает и обычных войн: натовская агрессия против Югославии, Ирака, Афганистана. И если поверить Киссинджеру, заявившему, что глобализация есть новое название американского империализма, то глобализация в сущностном плане есть империалистическая война нового типа. Или агрессивная война нового империализма.

Сегодня есть фактор, способный резко обострить ситуацию – американо-китайское соперничество. По мнению ряда экспертов, ВВП Китая, измеряемый по паритету покупательной способности (ППС), достиг 40 трлн долл. Это столько же, сколько у США, Евросоюза и Японии вместе взятых; еще 40 трлн приходится на “остальной” мир**. Если учесть, что Китай начинает подтягивать свою военную массу к массе экономической, что позиции военных в ру-

* Подр. см.: Фурсов А. И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью // Defuturo, или История Будущего. М.: Политический класс. АИРО-XXI, 2008. – С. 255–304.

** Я благодарен А. Н. Анисимову, обратившему моё внимание на этот факт, равно как и на ряд других важнейших фактов и событий, связанных с КНР, её местом в мире.

ководстве КНР усиливаются, что все это происходит на фоне мирового кризиса, ремиссия в развитии которого не должна вводить в заблуждение, то можно говорить об изменении мировой политико-экономической ситуации. Чтобы не допустить ее развития в неблагоприятном для себя направлении, США как “тело”, “клетка” закрытых наднациональных структур управления должны подсесть Китай, как это было сделано в 1914–1918 гг. с Германией или как в 1985–1991 гг. с СССР; попытка подсесть Россию в 1914 г. провалилась – возник сталинский СССР; попытка в 1941–1945 гг., когда на СССР натравили Гитлера, тоже провалилась. В нынешней ситуации у США как ядра “совокупного Запада” теоретически не так много вариантов.

Вариант № 1. Попытаться решить китайскую проблему военным путем с помощью России: русский мужик в очередной раз становится пушечным мясом для англосаксов, русское пространство – главным театром военных действий, как Восточный фронт в двух мировых войнах XX века. Под такую задачу Россию могут принять/втянуть в НАТО, присвоив таким образом наш ядерный потенциал и необходимое для войны пространство.

Итогом такой войны может стать распад Китая, полный демонтаж России и, как это ни парадоксально, ликвидация мировой верхушкой американской империи – по методу ликвидации Британской империи американцами и “наднационалами” после победы над Гитлером.

Этот вариант маловероятен в силу, мягко говоря, слабой боеспособности российской армии. К тому же, вряд ли русские солдаты и офицеры захотят всерьез воевать с китайцами.

Вариант № 2. США создают с КНР кондоминиум, делят Россию, как это предлагает известный ненавистник России Зб. Бжезинский. В этом случае США, находящиеся не в лучшем состоянии, получат передышку. Но и Китай получит – причем не только передышку, но и колоссальные ресурсы, что резко и, возможно, окончательно изменит мировую ситуацию в его пользу, и даже война не поможет. Расчет может быть на то, что во время “передышки” Китай взорвется изнутри или подавится куском России, но – “гладко было на бумаге”. И где уверенность, что Россия позволит себя съесть. Конечно, есть такая поговорка: “Если ты выглядишь как еда, тебя обязательно съедят”, но попытка съесть Россию – ядерную (до сих пор) державу чревата. Чужеземные оккупационные режимы здесь не держатся, и даже Золотая Орда эксплуатировала Русь на дистанции, взимая дань, как это сегодня делает Западная Орда. Наконец, и это главное, на раздел России с США не пойдет Китай, для которого США намного опаснее и которым он скорее постарается противопоставить китайско-русский союз, и это далеко не худший вариант для России.

Вариант № 3. Мне он не представляется невероятным, напротив. США будут систематически сбивать дыхание Китаю (и заодно России – чтобы не рыпалась; о том, что Россия не должна это делать, понимая, кто в доме хозяин, откровенно говорят сегодня и Киссинджер, и Олбрайт и многие другие) где только можно – на всей мировой доске игры в “го” (вэйци). При этом есть регионы, наиболее приспособленные для того, чтобы созданное там напряжение давило на Китай, Россию, Иран (правда, в случае последнего более вероятен военный удар), а если надо, Индию, – это район Афганистана – Пакистана, который в США все чаще объединяют в некое целое под названием “Афпак”.

Создание напряженности, а если надо, военного конфликта большой длительности силами “афпаковцев” (главным образом мусульман-суннитов), с распространением конфликта в Центральную Азию и населенные мусульманами районы Китая – вариант вполне возможный. В этот регион, как в воронку, возможно втягивание других регионов.

При этом необходимо отметить, что новая мировая (а точнее, всемирная*) война, организованная по методу управляемого хаоса, не обязательно будет такой, как войны 1914–1918 и 1939–1945 гг.; скорее всего, она будет иной – локально-точечной, ведущейся сразу в нескольких зонах мира. Думаю, войны глобальной и постглобальной эпох типологически скорее всего будут напоминать Тридцатилетнюю XVII в. – вход в капиталистическую систему (тогда) и выход из нее (сегодня) с необходимостью должны быть зеркальными.

* Подр. см.: Фурсов А. И. На закате Современности: терроризм или всемирная война? // Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 3. – С. 193–231.

Возможны и другие варианты, но ясно одно: мир вступает в чрезвычайно опасную эпоху – в эпоху чрезвычайности. Нам предстоит увидеть возникновение немалого числа “чрезвычайек” на глобальном, государственном, региональном и локальном уровнях. XXI век, помимо прочего, станет веком схватки “чрезвычайек” новых и старых (впрочем, уже стал: война структур-невидимок уже идет), и в этой ситуации опричнина с ее опытом и традициями может стать необходимым, хотя и недостаточным условием и средством, с помощью которого можно будет проскочить кризис и вынырнуть в посткризисное будущее. Более того, пожалуй, только неоопричнина как орден-ядро формирующейся нации-корпорации способно и довести до конца процесс этого формирования, и стать оргоружием в борьбе.

По-видимому, Россия вступает в самое опасное, наиболее критическое десятилетие своей истории, ставкой которого является не просто существование РФ, а дальнейшее бытие России как особого культурно-исторического типа, русского народа. Национально ориентированная опричнина – лишь необходимое, не недостаточное условие побед. Как говорил толкиеновский Гэндальф, повторяя (“цитируя”) фразу из шекспировского “Макбета”: “If we fail we fall, if we succeed we will fact another task” – “Если мы провалимся, мы пропали; если мы добьемся успеха, то столкнемся с новой задачей”.

Одна из задач, которая объективно стоит перед страной – формирование принципиально нового типа интеллектуального руководства. Нового – значит: адекватного новому миру, эпохе Пересдачи Карт Истории. Нынешняя ситуация чем-то напоминает таковую начала XX века, кануна Мировой войны, которая выявила полную неадекватность подавляющей части персонификаторов “открытой” политики новой эпохе. Сейчас эта неадекватность на порядок сильнее, а ситуация на порядок сложнее.

Разумеется, заявить задачу формирования нового типа руководства значительно труднее, чем выполнить. Во-первых, с позднесоветских времен продолжается внутренний антиотбор. Во-вторых, с 1990-х годов он усилен целенаправленным действием Западной Орды, ее “баскаков” и агентуры, с одной стороны, и процессом социального разложения, с другой. В-третьих, во всем мире идет, как отметила в одном из своих выступлений М. А. Кочубей, процесс проседания интеллектуально-волевой “сетки” управленческих структур – это тенденция, которую Ш. Султанов в статье “Неизбежная война” (“Завтра”, 2010, № 4) обозначил как быструю деградацию традиционного рационального мышления, которая наиболее отчетливо проявляется в научной и политической сферах. Речь идет о падении интеллектуального уровня и волевых качеств мировой верхушки, по крайней мере, ее “явного контура”.

Сегодня трудно сказать, какой уровень – интеллектуальный или политический, какая сфера – научная или управленческая демонстрируют более высокие степень и скорость деградации. Кто хуже? Как сказал бы Сталин, оба хуже. Но я прежде всего хочу сказать об интеллектуальной сфере, о задаче интеллектуалов – о создании интеллектуального оружия, то есть нового знания о мире и человеке.

Новое знание для Четвертого Рима

В связи с этим напомним тезис Карла Полањи о зловещем интеллектуальном превосходстве вождей Третьего рейха над их противниками в качестве одной из главных причин побед. Но аналогичным образом можно сказать и о превосходстве советского руководства 1930–1940-х годов над их “оппонентами” из открытого мирового контура власти. Чтобы побеждать на мировой арене, необходимо “зловещее интеллектуальное превосходство над противником” – новое знание. Практически всем серьезным попыткам борьбы на мировом уровне за власть и ресурсы, всем крупным революциям или приходу к власти новых политических сил и движений предшествовало создание этими силами или их предшественниками принципиально нового знания. Так было в случае с Французской революцией 1789–1799 годов, которой предшествовало создание нового знания, нового интеллектуального оружия (Просвещение, “Энциклопедия”), нацеленного прежде всего на верхушку тогдашнего французского общества (задача – перезагрузка интеллектуально-мировоззренческой матрицы, серия психоударов), с коммунистическими революциями,

которым предшествовала интеллектуально-теоретическая деятельность марксистов, с победой национал-социалистов в Германии и борьбой Третьего рейха за мировую гегемонию (создание нового знания о человеке и природе в 1920-е и особенно в 1930-е годы). Новое знание создает нового субъекта. Это вдвойне так в информационную эпоху, когда новый субъект не может не появиться в виде информационного “сгустка” властезнания, формирующего “под себя” энергию и материю.

Необходимо отметить, что исходно новое знание создается не огромными организациями-монстрами, тем более что сегодня их время ушло, научные оргмонстры вымирают, корчась в конвульсиях бессодержательной и бесплодной активности и решая проблемы позавчерашнего дня. Новое знание создается небольшими мотивированными группами людей с четкой целевой и ценностной установкой, “креативным спецназом” – это, опять же, подтверждается опытом интеллектуальной артподготовки практически всех рукотворных исторических сдвигов, тем более – кризисов и революций.

Борьба за сохранение России в XXI веке (и далее) потребует создания нового корпуса знаний о современном мире. И если национально (цивилизационно) ориентированной неоопрличине суждено состояться, то этот корпус должен стать ее научно-интеллектуальным компонентом; более того, он должен обеспечить ей готовое и способное к саморазвитию знание, предвзярая ее. Данное знание должно быть знанием не только и даже не столько о России, сколько о мире и о России как его элементе – многие наши поражения обусловлены заикленностью на себе, на своих особенностях, иными словами, на определенном рода интеллектуальной самопупковости и на незнании мировой ситуации; победы большевиков, а затем сталинцев были в огромной степени обусловлены тем, что они были игроками мирового уровня, их “повестка дня” была мировой.

Корпус знаний, о котором идет речь, необходим во всех ситуациях – и в ситуации победы, и в ситуации глобальной катастрофы, и, если, не дай Бог, неоопрличина не спасет и Россия рухнет. В последнем случае значение и роль нового знания вообще возрастают на порядки – оно станет необходимым для сохранения русскости, для создания сетевого русского мира в посткатастрофическом мире, наконец, для строительства нового русского властесоциума – Четвертого Рима. Кто сказал, что Четвертому Риму не бывать? Надо будет, создадим. “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”.

Четвертый Рим, Новая Русь, Новая Гиперборей – важно не название, а суть. Суть проста: Россия возможна только как структура имперского (“неоимперского” – применительно к новым обстоятельствам) типа. Более того, русские возможны только в структуре такого типа. В отличие от Запада, где империи суть политические формы, в России то, что называют “империей”, выполняло социальную функцию, было социальной тканью, разрыв которой приводил к значительно более тяжелым последствиям, чем крушение империй на Западе.

Да, русские несли на себе бремя империи, тянули имперскую лямку как в Российской империи, так и в “империи” Советской; в последнем случае русские (великороссы), белорусы (белороссы) и украинцы (малороссы), то есть россы-русские перекачивали создаваемый ими продукт на окраины, кормя Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию (это четко зафиксировано статистикой) и не получая за это никакой благодарности – помощь принималась как “должное” от старшего брата.

Но значит ли это, что русские – неимперский народ, что империя им противопоказана, что нужно забраться в узконациональную скорлупу (или несколько скорлуп), скукожа до них русское пространство, освоенное предками и представляющее их и наше наследие, часть русскости? Именно к этому призывают те, кто противопоставляет русских и империю, то есть наднациональное образование, образующей осью которого являются русские. По сути в этих призывах мы имеем дело с закамуфлированной под национализм, навязываемый русским (в России никогда не было национализма в западном смысле слова, как не было и империи в западном смысле), с антирусской и антироссийской одновременно (два шара в лузу) стратегемой. Я согласен с теми, кто, как, например, В. И. Карпец, видит в подобном рода проектах исключительную опасность для России и русских.

Нация и империя не несовместимы, так же, как совместимыми оказались свобода и империя (у Пушкина), нация и большевизм (у Сталина). Не надо

морочить себе голову и тем более позволять это делать по отношению к себе другим. Другое дело, что в рамках наднационального целого русские должны быть не абсолютными донорами, а, создавая основную часть продукта, занимать место и играть роль в “империи”, во всех ее структурах пропорционально своей доле в населении – этого не было ни в Петербургской империи, ни в СССР. Правда, в обеих структурах русские составляли около 50% населения, но на сегодняшний день – 80%. Это означает, что Четвертый Рим, если ему суждено осуществиться, будет принципиально иным, чем Третий.

Строительство Четвертого Рима должно начинаться с создания нового знания – вначале было Слово. Это знание должно опираться на наследие предков всех эпох нашей истории – и на переосмысление этого опыта, включая опрочину. Сюда входит, прежде всего, инвентаризация катастроф и поражений – за одного битого двух небитых дают, четкое определение вечных и временных врагов России и русских с пониманием, что самый опасный враг всегда внутри. Ну и, разумеется, осмысление победительного опыта – своего и чужого.

И не надо морочить себе голову ложным реставрационизмом по поводу, например, Третьего Рима. Третий Рим разрушен. И парадоксальным образом его начал рушить уже второй Романов церковной реформой, позднее свой вклад внесли и другие цари. Большевики пытались на месте Третьего Рима возвести Третий интернационал, однако Сталин “перезагрузил матрицу” и попытался отстроить новый Третий Рим как социализм “в одной, отдельно взятой стране” – и отстроил, но всего на несколько десятков лет.

Одновременно с демонтажом-ремонтажом Третьего Рима шли аналогичные “эксперименты” с русским народом. Так, первый демонтаж русского народа ударом по истинно русской вере и русскому социокультурному коду произвели Алексей с Никоном и Петр I, однако они лишь расшатали народ, но не сломали его. Тем более, что в Петербургском самодержавии бóльшую часть народа власть оставила в покое, оставив его в социокультурной резервации традиционного мира.

Пореформенная Россия стала зоной быстрого разложения народа, значительная часть страны превратилась в “Растеряеву улицу”, “трактирная цивилизация” стала теснить русскую. Кончилось все это революцией и широко-масштабным демонтажом русского народа в 1920-е – первой половине 1930-х годов. Затем торжество национал-большевистского курса над интернационал-социализмом и победа в Великой Отечественной войне не просто остановили этот процесс, но способствовали монтажу новой общности – советского народа на русской основе. Процесс этот так и не был завершен, ну а с конца 1980-х годов начинается (по нарастающей) активный демонтаж советского народа и, естественно, его русской основы – десоветизация стала мощнейшим и продуманным ударом по основам русского культурно-исторического типа. Третий Рим как способ бытия русских исчерпан.

Я уже не говорю о дефектах в конструкции. Это никоновская реформа-диверсия, петровский погром, рабство крестьян эпохи Екатерины II, идейный бред прозападной интеллигенции, художества интернационал-социалистов в 1920-е годы, тупость и предательство совноменклатуры 1970–1980-х годов.

Реликты всех этих дефектов послегрозненской эпохи русской истории так до конца и не вычищены, не стерт из русской истории – как не были стерт к середине XVI в. многие дефекты-реликты киевской, владимирской и ордынско-удельной эпох, которые пришлось “кусать” и “выметать” опрочине. С конца 1920-х годов сталинский режим с опорой на опрочинный принцип решал проблемы, которые накопились за несколько столетий русской истории (и которые не смогли, не сумели решить ни Николай I, ни Александр III; последние при всех их качествах были неадекватны задаче решения этих проблем) и которые были созданы революцией и первым послереволюционным десятилетием. Жестокость решения была обусловлена запущенностью проблем, с одной стороны, и имманентной жестокостью, характерной для времени революций и гражданских войн. За 1930–1960-е годы был решен целый ряд проблем, однако далеко не все, к тому же появились новые. Под их совокупным грузом и при активных действиях блока “часть советской верхушки – часть мирового капиталистического класса – криминалитет” прогнулся и был демонтирован советский коммунизм, разрушен СССР. За последние двадцать лет в геометрической прогрессии вырос еще больший ком проблем – терапевтически его не устранить.

К тому же на сегодняшний день далеко не все проблемы даже осознаны. “Неосознанность происходящего”, о которой любят рассуждать деятели Римского клуба, – одна из серьезнейших проблем современного мира, существующая как сама по себе, так и в качестве элемента сознательно реализуемой стратегии “управляемого хаоса”. Вывод: сначала знать, потом делать. Сначала – новое знание, новая картина мира, отражающие русский интерес, потом – действие. Думать обо всем этом нужно сейчас – только так можно сохраняться и побеждать в меняющемся мире. Победам физическим всегда предшествуют победы метафизические; чтобы выиграть историческое противостояние, сначала надо “сделать” противника в метаистории, в сфере тонких интеллектуальных и психоинформационных (психоисторических) струн.

Ориентированная на решение общенациональных проблем, а не на обогащение узкой группы узаконенного вора, опричина нового типа – это “материя”, которая порождается, помимо прочего, “духом” нового знания и даже нового чувствования, нового слышания Музыки Истории. Как будет называться новое знание? Не знаю. Может быть, по крайней мере для начала, “консервативно-динамическим”. Может – иначе. Но я знаю точно, что оно должно быть бескомпромиссным по отношению к нам самим, не позволяющим пускать слюни и сюсюкать по поводу особой “русской духовности” и “загадок русской души”, а четко фиксировать все слабые и неприятные стороны нашей истории и нашего характера, ставить диагноз, не забывая о сильных и формируя чувство победительности вопреки всему. Это знание должно быть ключом к секретам явных и тайных врагов России и русских в мире в целом и в отдельно взятых странах, находя их сильные и слабые стороны. Оно должно быть убойным и работать в мировой борьбе по пехотному принципу “штык в горло с двумя проворотами” или по снайперскому – “один выстрел – один труп”, а еще лучше два, не оставляя противнику шансов – ни одного. И тогда мы увидим Четвертый Рим с сияющей над ним руной Победы.